ФРЕЙТАГ - ЛОРИНГОФЕН

ВВ255
ОР915

ВЫВОДЫ ИЗ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

перевод с немецкого
под ред.
Е. И. МАРТЫНОВА

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

Москва, Смоленский бульв., 53

Склад изданий ВВРС—Арбат, Глазовский пер. 1.

НОВЫЕ КНИГИ:

А. Свечин.

„История военного искусства".

III. Новейшее время 1814—1914 гг.
Цена 1 р. 25 к.

Последняя часть труда А. А Свечина содержит подробное изложение развития военного искусства в XIX столетии в связи с появлением в жизни народов новых экономических и технических факторов. Перед читателем проходят: возникновение и осуществление идеи о всеобщей повинности, организация технических войск, организация генерального штаба, появление скорострельного оружия и бездымного пороха, усовершенствование связи, подготовка вооружен народов к борьбе 1914—18 гг., господство огневой тактики, начало машинизации армии.

Шлиффен.

«КАННЫ».

Перев. под ред. А. Е. Снесарева, 214 стр. с атласом чертежей (103 схемы). Цена 3 р. 50 к.

Классический труд германской военной литературы, на котором воспитывались целые поколения военных людей. Идеи Шлиффена были положены в основу плана военных действий Германии в минувшую мировую войну.

Э. Людендорф.

«МЕМУАРЫ».

Т. I. Под редакц. А. Свечина.
Цена 3 р. 50 к.

Автор—крупнейший деятель германского генерального штаба. Талантливо рисует картины величия и падения германской армии в мировой войне.

Г. Х Саджент.

«Стратегия на западном фронте 1914—18 гг.»

Перев. с английского под ред. проф. Военной Академии В. Ф. Новицкого. С 2-мя схемами.

Труд, помимо разбора стратегических положений, широко обрисовывающих гигантскую борьбу в Европе, исследует особенное значение Салоникского фронта и исключительную роль американских войск.

Дюпон.

„Высшее германское командование в 1914 г."

(с немецк. точки зрения) перев. с франц. 111 стр.

Один из лучших в западной литературе критических разборов германского плана войны и действий германского командования до и во время сражения на Марне. Труд составлен на основании немецких источников, написан живым образным языком и дает яркую картину событий на французском фронте до 15-го сентября 1914 г.

Генерал ФАЙОЛЬ.

„Сосредоточение огня и сосредоточение средств".

(3½ печ. листа с 6 чертеж.) перевод с французского под редакцией и с предисловием Е. К. Смысловского.

Труд ген. Файоля, появившийся еще до мировой войны, посвящен опровержению взглядов французской довоенной молодой школы, утверждавшей, что скорострельность современной полевой пушки избавляет от необходимости применять сосредоточенный огонь нескольких батарей. Изложение автором основных вопросов тактического и технического использования артиллерии является живненным и по сей день, и представляет большой интерес для Красной Армии в период ее строительства и искания наилучшего и наиболее экономического применения артиллерийской техники

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В ВВРС

При покупке не менее 10 экз. скидка 20%, при покупке не менее 50 экз. войсковыми частями и учреждениями, расположенными вне Москвы, скидка 30%; книгопродавцам обычная скидка.

v. FREYTAG—LORINGHOVEN

FOLGERUNGEN AUS DEM WELTKRIEGE

ФРЕЙТАГ—ЛОРИНГОФЕН

ВЫВОДЫ ИЗ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перевод с XX немецкого издания
под редакцией
Е. И. МАРТЫНОВА.

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ
МОСКВА
1923

2 экз

К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
П
1986
ВВ255 р
Ф915
БИБЛИОТЕКА
178/36
181893

ГЛАВЛИТ № 13539. Тираж 2.500.
В. В. Р. С. № 852. Тип. ГВИУ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагая вниманию читателя перевод настоящего труда, принадлежащего перу одного из наиболее ярких среди немцев противников диалектического метода в истории военного искусства, мы считаем излишним доказывать, что принципиальная позиция Фрейтаг-Лорингофена — всеобъемляющее значение так называемых «извечных принципов» военного искусства—с нашей точки зрения не выдерживает никакой критики.

И, тем не менее, мы имеем основания утверждать, что автор является весьма вдумчивым и осторожным военным писателем, подвергающим в своих трудах тщательной критической проверке все источники и располагающим исключительным богатством и точностью фактического материала.

Эти положительные качества литературного облика Фрейтаг-Лорингофена характеризуют и его «Выводы из мировой войны». Не останавливаясь на характеристике этой небольшой работы, в достоинствах которой читатель может сам убедиться, отметим лишь то, что, с нашей точки зрения, представляет в ней особенный интерес.

Даже в некогда столь стройном и монолитно-цельном миросозерцании, каким является мировоззрение Фрейтаг-Лорингофена, империалистическая война пробила глубокие бреши. «Кризис» стратегии, как искусства использования полководцем всех факторов, а не одних только сражений для достижения целей войны признается даже и им: «нужно признать—пишет он,—что самая победа ныне в гораздо большей степени зависит от факторов, лежащих в области мирового хозяйства. Влияние этих факторов проходит красной нитью через всю современную войну». О вдумчивости автора можно судить между прочим и потому, что мировая война «в отношении проявившихся в ней экономических факторов» представляется ему «весьма сходной с американской гражданской войной». А отсюда, право, недалеко до того, чтобы—как мы это делаем—утверждать, что военная история вообще переживает ныне эпоху гражданских и классовых войн.

Проговаривается далее автор и в том отношении, что ограничивается установлением лишь весьма общих аналогий, ибо «на Марне впервые обнаружилась истина», что «эпоха миллионных армий... представляет своеобразные, отличные от предшествующих эпох, черты». Некоторые частности приобретают поэтому в его глазах особенное значение, не оправдываемое, казалось бы, с точки зрения идеологии той «исторической школы», сторонником которой он является.

Все это очень показательно.

Перевод сделан с XX немецкого издания. Книга написана еще во время империалистической войны; последняя глава, в которой автор, уверенный в победе Германии, излагает свой символ веры монархиста, оставлена без перевода.

В. В. Р. С.

I. Положение центральных держав в области политики и мирового хозяйства.

Группировка держав к началу мировой войны, и в особенности в течение ее, сложилась для центральных держав крайне неблагоприятно. Мы должны вернуться назад к отчаянной борьбе Фридриха Великого в Семилетней войне, чтобы найти нечто подобное в мировой истории.

Правда, и Наполеон очутился в конце лицом к лицу, с почти всей Европой; однако, соотношение сил к началу осенней кампании 1813 года, ни в коем случае, не могло быть названо для него неблагоприятным. Союзники обладали к этому времени лишь незначительным численным превосходством.

С нашими противниками также не случилось и того, что фельдмаршал граф Шлиффен справедливо вывел из опыта прежних коалиционных войн: *) «Если даже все колебания отстранены, все трудности преодолены, решение принято, и грандиозное наступление должно начаться со всех сторон—в груди каждого отдельного бойца шевелится один и тот же жуткий вопрос: придут ли другие, явятся ли в нужный момент на подмогу далекие союзники».

Они не только не явились, но к ним еще присоединились наши бывшие союзники, Италия и Румыния, а Америка все более и более проявляла себя в качестве соучастника союзных держав, поставляла этим последним всевозможные военные материалы, реализировала их займы, чем оказывала нашим противникам ценнейшие услуги еще задолго до того, как прервав в феврале 1917 г. дипломатические сношения с нами и формально об'явив нам войну в апреле, она открыто встала на сторону наших врагов. Как ни ценен был для центральных держав союз Турции и впоследствии Болгарии, уравнения сил благодаря этим державам, конечно, произойти не могло. Англия все это поняла и когда обнаружилось, что разгром центральных

*) Deutsche Revue. Januar 1909 r. Gesammelte Schriften des Feldmarschalls. 1.

держав гораздо труднейшая задача, чем это вначале предполагалось, она воспользовалась этим обстоятельством для все более тесного сплочения со своими союзниками. По существу дело обстояло так: союзники смело пустились в общее предприятие, но оно приняло в начале нежелательный для них ход. Теперь нужно было, поневоле, привести его к концу, ибо отказаться— это значило признать полное крушение своих планов и следовательно собственное поражение. Союзники Англии на континенте, соблазненные обещанными им территориальными приращениями и полученными ими денежными субсидиями, все теснее связывались с Англией. Ее успех, как вербовщика новых соучастников, должен быть приписан ее крайне благоприятному положению в области политики и мирового хозяйства, которое тут особенно во всем сказывается. Чем больше улетучивалась надежда победить нас при помощи открытой силы или блокады, тем более усиливалось стремление, по крайней мере, поставить нас после войны в неблагоприятное положение в области мирового хозяйства, как в территориальном отношении, так и навязав нам крайне невыгодные торговые договоры. Воля Англии к войне и победе выразилась в создании сильной сухопутной армии, впоследствии построенной на основе общеобязательной воинской повинности. В этом она отступила от своих традиций вести колониальные войны, главным образом, при помощи армий своих союзников.

В войнах против Людовика XIV Англия возвысилась уже до степени великой колониальной державы и получила перевес на море. В эпоху семилетней войны она стала уже мировой державой. Тем не менее, только с периода американской войны за независимость начинается ее эра мирового хозяйства и мировой политики. Совершенно справедливо было сказано: *) «Мировая торговля существовала с давних времен, но не мировая политика. Даже Англия таковой не вела, несмотря на свои разбросанные по всему свету владения и протектораты. По существу можно было говорить только о европейской политике. Мировая политика могла только тогда возникнуть, когда в других частях света появились самостоятельные и прочные,— равносильные европейским,—средоточия государственной жизни.

---

*) Alexandr v. Peetz. Einleitung zu «Weltpolitische Neubildungen» von Paul Dehn.

Это произошло в 18 и 19 в. в. с основанием Соединенных Штатов и в 20-м веке с появлением Японии, как мировой державы».

Вопросы мировой политики и мирового хозяйства также играли относительно подчиненную роль в европейских континентальных войнах до 1870—71 г.г., когда мы все еще в громадной степени были аграрной страной. Только развитие промышленности, в совокупности с приростом населения, особенно остро выдвинули эти вопросы в течение мировой войны. Ввоз сырья, с'естных припасов и предметов потребления, вывоз изделий нашей промышленности сделались необходимыми условиями нашей хозяйственной жизни. Вопреки этому обстоятельству возникновение мировой войны застало нас невполне подготовленными. То, что было проделано в этой области, оказалось недостаточным. При ведении мировой войны перед нами встала вследствие этого задача, которая никогда не возникала при прежних войнах на европейском континенте. Она вызывалась не только безпримерно тяжелой политической кон'юнктурой и вытекавшим из нея подавляющим превосходством сил у наших противников, но и положением, в которое попала Германия на арене мирового хозяйства и из которого ей чрезвычайно трудно было выбраться.

Здесь не место вдаваться в обсуждение того, насколько выступление Германии на арену мировой политики и мирового хозяйства, вызванное скороспелым ростом ее промышленности, было преждевременно, не находясь в соответствии с прочностью и обеспеченностью ее положения, как континентальной державы. Здесь уместно будет привести слова Ранке *): «Кто может повелевать судьбой, предвидеть последствия своих поступков, или подчинять себе бурные элементы?». Пророческий дар даже великих людей, в обшем и целом, очень ограничен. Совершенно справедливо говорит по этому поводу Friedjung **), что внутренняя связь событий, равно как и все то, что мы называем закономерностью исторического процесса, проявляется лишь тогда, когда мировая история рассматривается на большом протяжении, иначе она представится нам как пестрое сплетение необходимости и случая, и оно даже для самого прозорливого современника трудно-достижимо.

*) Ursprung des Siebenjährigen Krieges.

**) Der Kampf um die Vorherrschaft in Deutschland. II. Einleitung.

В виду этого, часто понапрасну обвиняли дипломатов в недостаточно-верном информировании о положении в чужой стране, точное знание коей вменялось им в обязанность. Даже полнейшее знакомство со страной не дает возможности предвидеть будущие события; дар прозорливого наблюдения присущ одному в большей, другому же в меньшей степени. Обыкновенно склонны думать, что в наше время широчайшей гласности легко составить себе суждение об иностранном государстве и его вооруженной силе.

Действительно, пресса и парламентские дебаты дают много отдельных фактов, из коих можно нарисовать себе общую картину, которая, однако, на деле может оказаться совершенно не отвечающей истине, ибо здесь, обыкновенно, бывает примешано много личного элемента. Более того, самое обилие информационного материала, которое в наше время находится в распоряжении наблюдателя, может легко затемнить истину и рассеять его внимание.

Последствия того окружения, которому подверглись центральные державы, скоро стали сказываться. Хотя нам и удалось собственными силами наладить военное хозяйство, тем не менее, то неблагоприятное положение, в котором мы очутились на арене мирового хозяйства, ощущалось нами на всем протяжении войны. Только неблагоприятностью нашего положения и можно об'яснить те все новые возможности, которые открывались перед нашими противниками, в распоряжении коих находилось открытое море; этим же об'ясняется—почему победы, которые при других условиях, несомненно оказались бы решающими, почему завоевание целых государств не приблизили к нам мира. Так Россия оправилась от тяжелых положений 1915 года и со вновь снабженной армией могла уже в следующем году вновь перейти в наступление.

Когда американский адмирал Mahan в своей известной книге: «Влияние морских сил на историю», подводит итоги Семилетней войны (на море безграничный успех и материальный выигрыш Англии; на суше гигантские людские жертвы, имевшие единым результатом сохранение stasus quo), когда он далее приписывает британскому флоту главную роль в низвержении Наполеона, который был отрезан от важнейшего из всех источников жизненной силы—от моря, то для тогдашней эпохи это было не так.

Уже Питт в своей, направленной против Парижского мира 1763 года, речи, подчеркивает, что Северная Америка покорена для Англии в Германии. Наполеон же был побежден на суше. Континентальные державы были в то время сплошь государствами аграрными,—таким же в сильнейшей степени была и Франция—и, следовательно, они могли гораздо больше, чем теперь, удовлетворять своим нуждам собственными средствами. Для современной же нам эпохи, эпохи мирового хозяйства и мировой политики, воззрения этого знаменитого писателя по морским вопросам гораздо более подходят. Уже самое средство самообороны, к которому мы прибегли—подводная война, указывает на это. Неуклонное пользование этим новым военным средством должно было, посредством создания для наших противников и нейтральных государств экономических затруднений, существенно способствовать скорейшему окончанию этой грандиозной хозяйственной войны. Во всяком случае мировая война дает бесспорное доказательство того, что Германия в будущем всегда должна поддерживать свою морскую силу. Мы пока не будем касаться вопроса, какими средствами этого достигнуть.

Из самого нашего географического положения будет всегда вытекать для нас необходимость надлежащего согласования требований мирового хозяйства и заморской политики с одной стороны—с требованиями народного хозяйства (в более узком значении этого термина) и континентальной политики—с другой. Ведь и в сухопутной войне экономические моменты играли весьма существенную роль. Занятие нашими войсками Бельгии и северо-французской угольной и промышленной области, равно как и оккупация Польши, Литвы и Курляндии принесли нам значительное облегчение, соответственно ослабив наших противников. Сербский поход имел главной своей целью—установление территориальной связи с Турцией, которая своей упорной обороной Дарданелл оказала нам крупные услуги, отрезав России возможность экспорта и импорта через порты Черного моря.

Операция против Сербии приобрела нам, вместе с тем, ценного союзника в лице Болгарии. Этим путем мы не только увеличивали наши силы и создали некоторый противовес численному превосходству наших противников, но и приобрели возможность товарообмена с балканскими странами. Невольное вступление Румынии в ряды наших противников и ее разгром принесли нам год

спустя новые экономические преимущества, причем прочно обеспечили нам господство на Балканском полуострове. Итак, хотя ныне, как и прежде, на войне решает дело меч и победа на поле брани дает окончательное торжество—тем не менее, нужно признать, что самая победа ныне в гораздо большей степени зависит от факторов, лежащих в области мирового хозяйства. Влияние этих факторов проходит красной нитью через всю современную войну. Правда, в эпоху новой истории мы уже знаем одну большую экономическую войну. Гражданская война шестидесятых годов прошлого века в Северной Америке произошла из хозяйственных противоречий торгово-промышленных штатов Севера с производившими хлопок штатами Юга. Для этих последних производство, основанное на рабском труде, было необходимым базисом хозяйства, и этим об'ясняется их приверженность к рабству. Требование же освобождения негров было впоследствии единодушно выставлено на Севере и, как весьма благодарное средство пропаганды, обращено против Юга. Между тем, на самом деле, определяющими факторами были: во первых—стремление Севера установить высокие покровительственные пошлины, в то время как Юг был заинтересован в свободном вывозе; во вторых—желание Севера использовать доходы от таможенных пошлин на разные продуктивные цели (в первую очередь на нужды своей промышленности), в то время как Юг относился к этому безразлично. У нас американская война привлекла к себе тогда мало внимания, как и все американское в тогдашние времена. Германия была тогда лишь чисто-географическим понятием; о ведений отдельными ее государствами мировой политики не могло быть и речи. К тому же наше внимание было всецело приковано к собственным войнам 1864, 1866, 1870/71 г.г. и к их последствиям. А между тем, американская гражданская война представляется в отношении проявившихся в ней экономических факторов, весьма сходной с мировой войной, несмотря на все различие в поводах, течении и других обстоятельствах, сопровождавших обе эти войны. Северные Штаты с самого начала направили свои силы на то, чтобы, при помощи своего значительного флота, которого Юг был почти лишен, хозяйственно парализовать своего противника, отрезав ему возможность подвоза, как с моря, так и со стороны Миссисипи и хлебородных штатов Юго-Запада. Высокие боевые качества численно гораздо более слабой, армии

Юга и искусство генералов (прежде всего выдающийся военный талант Ли), в продолжение четырех лет не давали Северу возможности выполнить этот, так называемый «Анаконда-план», пока Южные Штаты, наконец, не задохлись в кольце удушения.

События никогда целиком не повторяются в истории. Однако—все же на них можно учиться, не с целью быть умнее в другой раз, но с целью приобрести мудрость на вечные времена, как говорит Яков Бургхардт: «В этом отношении американская гражданская война могла бы дать нам некоторые указания, но они были оставлены без внимания. Мы же должны признать, вместе с профессором Бернгардтом Хармс, что, будучи поставлены в августе 1914 года лицом к лицу с необходимостью опираться при ведении войны на факторы из области мирового хозяйства, мы не тотчас этой необходимостью прониклись. Наши противники также сначала совершенно не отдавали себе отчета в своем положении. Только мало по малу, натолкнувшись на совершенно ими непредвиденную силу сопротивления центральных держав, они с'умели полностью использовать благоприятное для них положение в области мирового хозяйства. Во всяком случае, наше военное управление во время сделало соответствующие выводы из мирового положения и направило свои усилия на то, чтобы при помощи широко задуманной организации к нему приспособиться. Сама война была единственным великим учителем в области взаимодействия ее с мировым хозяйством. До сих пор было общепринято думать, что длительная война в наше время невозможна. Для Англии это была «деловая война, целью которой было собственное обогащение и уничтожение главного конкурента».*) Там также не рассчитывали в начале на столь продолжительную войну. Только после того, как англичане увидели, что уничтожение «главного конкурента» только при помощи союзников невозможно, они были вынуждены прибегнуть к широкому формированию новых войсковых частей и, в конце концов, к введению общеобязательной воинской повинности. Лорд Китченер быстро это понял и созданием сильной армии сделал страну способной выдержать длительную войну.

Даже такой прозорливый ум, как фельдмаршал граф Шлиффен, утверждал, что в области тактики отныне невозможно

*) Dr. Georg Solmssen. England und wir! Vortrag, Gehalten in Köln am 13 November 1916.

будет наносить сокрушающие удары, так как война теперь носит позиционный характер и, что, следовательно, это обстоятельство будет служить к затягиванию войны. Он тем не менее все-же указывал: «Ведь такие войны невозможны в эпоху, когда существование наций зависит от безостановочного хода торговли и промышленности, когда необходимо будет быстрое разрешение кризиса, дабы опять привести в движение остановившуюся хозяйственную деятельность. Стратегия, основанная на истощении противника, не имеет места там, где содержание миллионов требует миллиарды».

Однако это затяжное фронтальное состязание сил в позиционной войне всетаки наступило на большинстве фронтов. Положительные успехи нам дала лишь маневренная война. Современный мир с'умел сверх ожидания вынести длительную войну, правда сопровождаемую таким уничтожением ценностей, какого человечество никогда не видело. Эти миллиарды были бы сбережены, если бы,—как об этом дальше говорит граф Шлиффен в своем труде, нам удалось, начав наступление в крупном масштабе против фронта и обоих флангов противника, достигнуть его уничтожения. Это нам и удалось сделать кое-где; во многих пунктах нам даже чрезвычайно повезло. Однако проделать этого со всей западной армией ко времени битвы на Марне мы не смогли. Бесполезно гадать о том, как сложились бы отдельные события в противоположном случае, — тем не менее с уверенностью можно утверждать, что решительный немецкий успех на Марне в сентября 1914 года придал бы всей войне другой оборот, причем, несомненно значительно бы ее сократил. Из этого можно увидеть, сколь велико значение решительного успеха на поле брани даже и в современной войне, находящейся под сильным влиянием факторов из области мирового хозяйства.

II. Психология войны народов и масс.

В современной войне появилось как нечто новое, доныне неизвестное — психика войны, ведомой при помощи больших народных масс. Возникновение такого рода войны нужно искать во французской революции. «Levée en masse» Французской Республики была, разумеется, в значительной степени, легендой. Она дала едва одну четверть ожидавшегося от нее людского материала. Справедливо говорит по этому поводу Клаузевиц: *) «Если войны первой революции не привели к полным результатам, если революционные генералы, неудержимо стремясь к конечной цели, не разгромили европейской монархии и если немецкие армии получали временами возможность с успехом сопротивляться, то об'яснить это можно лишь несовершенством французской технической подготовки, которая обнаружилась сначала среди рядовых, затем среди генералов и, наконец, в эпоху Директории среди самого правительства. После того как Бонапарт с этим обстоятельством справился, эта—опиравшаяся на всю совокупность народной силы, — армия с такой уверенностью в себе начала свой сокрушительный поход по Европе, что повсюду, где ей навстречу выходила армия старого типа, не могло даже возникнуть сомнений в исходе».

Тем не менее, Наполеон, вел свои победоносные войны при помощи преторианской армии. Лишь ко времени своего падения использовал он народную силу в большем масштабе. Так, после гибели своей армии в России, он в течение 14½ месяцев собрал во Франции колоссальную—для того времени—армию в 1.237.000 человек. Действительно, успехами, одержанными в первую эпоху своей деятельности, он обязан не столько силе выставленных им в поле армий, сколько невозможности для его противников пополнять потери путем продолжительного использования народной силы.

Не следует думать, что все французское население с воодушевлением стремилось под императорские знамена. Его

*) Vom Kriege. Stizzen zum VIII Buch. 3 Kapitel. B.

воинственный пыл, со времени отражения нашествия 1792 года, все более охлаждался. При усиленных наборах последних лет первой Империи понадобились уже меры принуждения, чтобы быть в состоянии вообще провести набор. Следовательно, хотя Наполеоновская армия и опиралась на народную силу — она, тем не менее, никогда не была Народной Армией в истинном значении этого слова. Этот термин, наоборот, вполне подходит к прусской армии эпохи Освободительной войны. Она насчитывала при общей цифре населения, не достигавшей в тогдашней урезанной и обедневшей Пруссии и 5 миллионов, — не менее 271.000 чел. Ландвер-же, выставленный сверх того провинциями и округами, придал всей армии своеобразный отпечаток. Сохранением всеобщей воинской повинности она продолжала отличаться от армий других государств и после войны. Только в Пруссии, и после военной эпохи начала XIX века, продолжало существовать слияние народа и армии. Тем не менее, использование народной силы для целей войны у нас и в 1870—71 г.г. далеко не приняло таких размеров, как в нынешнюю войну.

Мы ведь тогда вступили в войну с Францией при крупном численном превосходстве. Поэтому многим казались излишними новые мобилизации. Не без колебаний согласился Роон на требования Мольтке от 8 декабря 1870 г. относительно формирования новых войсковых частей, как того требовали продолжающееся расширение театра войны и массовые призывы, имевшие место во Франции во второй период кампании. А как скромны были эти требования на нынешний масштаб? Они состояли только в переброске 57 ландверных баталионов, несших на родине тыловую службу по охране пленных и береговой охране и в переводе в Эльзас-Лотарингию некоторого числа запасных батальонов. Требование Начальника Генерального Штаба имело, конечно, свое обоснование в тех всех возрастающих трудностях, которыми грозила нам народная война во Франции; тем не менее, если уже тогда, на французской почве, повидимому сталкивался народ с народом, то не нужно забывать, что армии Французской Республики состояли лишь из наскоро собранных масс, которые не выдерживали удара численно много слабейших, но по духу более сильных немецких войск. Таким образом, те 950.000 человек, которые Франция к концу войны все еще держала под ружьем, не смогли повлиять на судьбы страны.

«Гамбетта думал», так пишет Артур Шюке,*) «повторить легендарные чудеса 1792 и 1793 г.г. Он, однако, проглядел, что добровольцы первой Республики своей трусостью и отсутствием дисциплины были главными виновниками поражения революционных армий, а республика была спасена не героизмом своих бойцов, а раздорами, царившими среди коалиции».

Кампания против армии второй Империи доказала превосходство нашего, основанного на всеобщей воинской повинности, войска. Кампания же против Республики показала безнадежность сопротивления наскоро-собранной милиции обученным войскам. Тем не менее, новых истин в области военной психологии вывести отсюда было нельзя. Другое дело,—в Американской войне. Здесь Южным Штатам пришлось с самого начала прибегнуть к всеобщей воинской повинности, а Северным к все большему призыву добровольцев с удлинением срока службы. Как вообще всякая гражданская война, и эта также была пропитана обоюдной ненавистью. В Южных Штатах ярко проявляется взаимодействие народного характера и способности бороться. Действительно, они продолжали сопротивление до последней крайности. Европа же подобные явления до начала мировой войны не испытывала.

Только введенная во всех государствах на основе, и как следствие, опыта 1870—71 г. всеобщая воинская повинность внесла новый элемент в область ведения войны. Значение его должно быть тем сильнее, что улучшенные сообщения нового времени сблизили между собою народы и сделали их более доступными влиянию прессы, что имеет свои хорошие и дурные стороны. Люди, правда, всегда поддавались внушению: стоит только вспомнить о распространении религиозных суеверий, но новое время еще значительно повысило внушаемость. Даже выдающиеся умы поддаются массовому гипнозу, как показывает пример многих крупных ученых и художников в стане наших врагов. В своем присоединении к общему хору ненавистников всего германского они отступили от элементарных требований рассудка и эстетики.

Большую роль в развитии этой внушаемости масс всюду сыграла выборная система, вызывающая возбуждение страстей в ущерб здравому смыслу. Многие происшествия в Америке

---

*) La guerre 1870—71, Paris 1895.

только и могут быть об'яснены таким путем. Ведь в каждом отдельном штате должно быть замещено по выборам до 20 должностей ежегодно. В конечном итоге, здесь торжествует не собственное мнение избирателей, а мнение политических дельцов и подстрекателей. Успеха достигают более изворотливые, неразборчивые в средствах и располагающие большими денежными суммами. Великие демократические Республики, на самом деле, являются странами наибольшего морального порабощения. Другим фактором, вызывающим внушаемость, является распространение поверхностного образования среди масс. Самосознание целых народов таким путем крайне возбуждается, тем более, что в ведении нынешней войны участвуют, если не прямо, то косвенно целые народонаселения. Экономические лишения, вызванные войной, распространяются на всю совокупность государств.

В 1914 г. навстречу нашей армии впервые вышла Франция обще-обязательной воинской повинности. Франция, в которой десятилетиями возбуждалась ненависть против всего германского, в которой лелеяли идею реванша. Потрясающее впечатление, произведенное нашими начальными успехами,—совершенно неожидавшимися со стороны подвергшейся нападению со всех сторон Германии—еще сильнее возбудило страсти. Швейцарец Stegemann в своей истории нынешней войны*) говорит, что за границей могли существовать сомнения относительно того, не является ли созданное годами несказанно-тяжелого, лихорадочного труда военно-морское преимущество Германии могуществом, чисто внешне сопряженным с утратой нервной энергии.

«Военные операции нынешней войны»—говорит он, «дали на эти утверждения героический ответ; как только была об'явлена мобилизация, исчезла всякая нервозность; и даже издали можно было чувствовать энергичную работу войскового организма, призванного от учебной подготовки к высшей деятельности. Только что упомянутым фактом упорной подготовки Германии к войне питалось мнение, утверждавшее, что война была намеренно вызвана Германией. Лежащее в основе национального характера стремление к доведению дела до конца, покоющееся на определенном понимании идеи государства—вот что давало повод обвинять Германию в планомерной подготовке войны».

*) I. S. 100.

Наскоро-инсценированные в Бельгии партизанские действия «Franctireurs'ов, происходившие по указаниям и при содействии властей, еще более придали войне характер борьбы народа против народа.

Правило, что война ведется против вооруженных сил враждебного государства, а не против мирного населения, не могло, при таких обстоятельствах, соблюдаться нашими войсками. Они увидели себя вынужденными прибегнуть к крутым мерам.

Таким путем, война приобрела характер суровости, которая отнюдь не лежит в природе нравственного немецкого солдата.

Начавшая же исчезать уверенность в себе возвратилась к французской армии после битвы при Марне. С этого времени стоявшие у власти круги Франции делали все, чтобы при помощи продажной, лживой прессы—поддержать веру в окончательную победу. Продолжающийся рост союзных английских армий, неисчерпываемые,—несмотря на все понесенные поражения—людские резервы России, получаемая этой последней помощь Японии, присоединение Италии, позднее Румынии—к союзу, помощь Америки, выражавшаяся сначала в военных поставках, а затем и в открытом присоединении к нашим противникам — все эти факты способствовали поддержанию той атмосферы, которая окружала Францию и заставила французов потерять всякое чувство правды.

С тех пор во всем французском войске живет убеждение, что дело идет не только об освобождении родины от вторгшегося в нее ненавистного врага, но и о борьбе за будущее мировое положение Франции.

С незапамятных времен, причины отличительных черт, свойственных французскому солдату лежали не столько в условиях его солдатского воспитания, сколько в особенностях его расы. В течение последней войны, эти расовые особенности проявились с особенной силой. Ими об'ясняется то, далеко выходящее за пределы простого презрения к смерти, стремление пожертвовать собой, с которым целые дивизии в густых массах шли на смерть при повторных безнадежных попытках к прорыву.

В французском национальном характере уживаются замечательные противоречия. Возвышенные черты чередуются в нем

Библиотека

с низменными страстями и побуждениями. Так, французский солдат проявляет рядом с героизмом, способность к «Nettoyeur» а в обращении с нашими пленными едва ли чем разнится от апашей. У офицеров уже совершенно исчезло то рыцарское чувство, которое еще в 1870 г. нашло свое выражение в восклицании одного старика француза: «пленный—священное лицо».

Белые и черные французы, включая сюда и женщин, все высказывали самым резким образом свое презрительное и бесчувственное отношение к пленным, в чем образцом для них могло служить само Республиканское Правительство, подавшее, в крупном масштабе, пример недостойного обращения с пленными. Предупредительный по природе, добродушный при обыкновенных обстоятельствах, француз легко впадает по причине своей легкой возбудимости, в противоположную крайность, подтверждения чему можно найти в Религиозных войнах и в эпохе Революции. В французе необыкновенно быстро высказывался звериный облик.

Свойственное ему легкомыслие не позволяет ему продумать вещи до конца. Этим же об'ясняется его способность поддаваться гипнозу, что не дает ему возможности разобраться в паутине лжи, преподносимой ему газетами. Если француз всегда был способен к войне, то, пройдя в мирное время школу общеобязательной воинской повинности, он еще больше развил свои ценные военные качества, причем проявил высокие боевые свойства, в отсутствии которых его раньше несправедливо обвиняли, утверждая, что французскому солдату не хватает выдержки в затруднительных обстоятельствах, что будто он не выдерживает поражений и подвержен панике. Эти приписывавшиеся французскому солдату черты нигде не проявились. Общеобязательная воинская повинность оказала свое дисциплинирующее влияние на весь народ, создав надлежащую форму для выражения его крайне-интенсивного национального самосознания. Тот, кто подходил к французскому народу с обычным прежним масштабом, был поражен его поведением на войне.

В Англии же, впервые выступавшей в роли сухопутной державы, военный пыл лишь мало по малу распространялся в широких массах. Ей, несмотря на свои высокие организаторские способности, в течение всей войны не удалось сравняться с Францией, имевшей крупное преимущество в давно введенной всеобщей воинской повинности. Тем не менее, вос-

пользовавшись теми возможностями, которые давала позиционная война, англичане приступили к обучению вновь-сформированных частей, чего в свое время не имел возможности сделать Гамбетта. Однако, вновь сформированным английским дивизиям не удалось придать ни той сплоченности, которая была у старых частей, входивших в состав первого переброшенного во Францию экспедиционного корпуса,—ни тех боевых качеств, которые характеризовали французские боевые единицы. Боевая техника достигла у англичан высокого развития, в то время как тактика оставляла желать много. Кроме того, англичанам, при всей свойственной им храбрости и упорстве, не хватало духа, который может возникнуть только при наличии возвышенной национальной цели, на подобие той, которая стояла перед Францией. Вместо прежних своих вербованных войск, Англия постепенно выставляла в поле на французском театре войны все новые народные армии—армии эти предназначены были служить лишь целям английской политики и экономической борьбы с Германией. Цель, ради которой ведется война, играет существенную роль, особенно когда в деле участвуют народные армии; в войнах, ведшихся при помощи вербованных войск, это обстоятельство играло лишь ограниченную роль. Если перед народной армией не стала ясная и понятная каждому цель, то от такой армии уже нельзя было ожидать высшего напряжения сил. В отношении искусственного подогревания и гипнотизирования масс, Англия ничем не уступала Франции. Хотя англичанин не так легко возбуждается, как француз, но зато он тем крепче держится за убеждения, которые раз навсегда укрепились в его представлении. Возбужденная в нем ненависть сказалась в дурном обращении с нашими пленными. Во многих случаях,—если и не всегда,—англичане не уступали по суровости поведения французам. Из вышесказанного видно, что нам противостояли враги, находившиеся под влиянием массового психоза.

Это подтверждается и такими явлениями, которых Европа не видела с эпохи Религиозных войн. Акты насилия, страсть к бессмысленному разрушению, как о том разсказано в Simplicissimus'e, все это опять возродилось в наши дни. Утверждение, что человечество в массе подвинулось вперед, оказалось ложным. Обнаружилось все расстояние, отделяющее культуру от цивилизации.

После тридцатилетней войны, выявилось стремление смягчить, посредством поддержания дисциплины, те ужасы, которые вызывались поведением солдатчины. Так о принце Евгении Савойском любили впоследствии говорить, что в окрестностях его лагеря крестьянин мог спокойно возделывать свое поле. Отказавшись от принципа—война питает войну,—связали себя искусственной магаринной системой. На этом, однако, останавливается поступательное движение тогдашнего военного искусства—военного искусства малочисленных наемных армий, она все более застывает в условных формах, из которых оно впервые было выведено Фридрихом Великим, насколько это допускалось ограниченными средствами его эпохи. При Наполеоне же война все более поднималась на степень «настоящей войны», по выражению Фихте. Однако, на самом деле, военное искусство достигает этой степени развития лишь после введения общеобязательной воинской повинности. Эта последняя, занимая господствующее положение в наше время, не исчезнет в течение целых поколений. Пруссия—Германия обязана ей своим возвышением, однако, после того как все великие державы ввели у себя этот институт, война должна была опять принять более беспощадный характер. Рядом с светлыми сторонами общеобязательной воинской повинности должны были выступить и ее теневые стороны, причем воинственные страсти охватили целые народы. Страсти эти вновь и вновь воспламенялись при столкновенни с противоположными им страстями противника. При этом прекратилось смягчающее влияние тех многочисленных обычаев, соблюдением коих старое профессиональное войско старалось устранить крайности войны, следуя в этом отношении средневековым традициям. Что касается тех норм, коим международное право думало подчинить войну, то они также были сметены взрывом ожесточения воюющих масс. Тем самым были внесены в мировую войну моменты, которые не могли остаться без обратного внимания на оперативную и тактическую обстановку и влияние которых и в будущем не должно быть упущено из виду.

Этим новым обстоятельством выдвигаются нужды в другом масштабе для умерения степени боеспособности. В частности относительно боевых качеств германскик войск, нужно сказать, что они далеко превзошли все, чего можно было ожидать по масштабу прежних времен. Еще об эпохе операций на Луаре в

1870—71 г.г. *) покойный фельдмаршал фон дер Гольц в своих воспоминаниях сказал: «За исключением нескольких волевых личностей, всем уже успела приесться война, хотя и победоносная. Боевой пыл потускнел. Стремление получить, наконец, жадно ожидавшийся покой, было весьма распространено». В этих словах отражается влияние утомительного победоносного похода, приведшее 2-ю армию в самое сердце неприятельской страны. Здесь действительно могла укорениться мысль: «Теперь довольно побед».

А ведь тогда не прошло еще полных пяти месяцев с начала войны; война приняла наиболее счастливый оборот, который только можно себе представить; войска далеко не прошли тех катастрофических испытаний, какие выпали им на долю в нынешней войне. Что касается этой последней, то сознание, что дело идет о самом существовании нашей страны, помогло нам превзойти самих себя.

Нам всем, вождям и солдатам присущи человеческие слабости, и, конечно, не все немецкие солдаты прирожденные герои, но воспитательное влияние этой борьбы за существование Германии как раз сказалось в том, что оно увлекает в общий поток и слабых. Им ничего другого не оставалось, как бороться вместе со всеми, чтобы стяжать себе лавры героя. Неудачи, неизбежные в ходе этой длительной гигантской войны, хотя временно и оказывали на наши войска подавляющее впечатление, возбуждая на некоторое время желание отдохнуть от усиленного напряжения, сопряженного с небывалой в прежних войнах затратой нервной энергии, но все же, тем не менее, боевой огонь и на третий год войны не только не пошел на убыль, а наоборот все вновь вспыхивал ярким пламенем. В Трансильвании и Румынии, равно как и в Восточной Галиции в 1917 году, войска проявили такой под'ем, который не уступал тому, что можно было наблюдать в первые дни войны. Очарование победы заставляло войска преодолевать все препятствия местности, пренебрегать всякой непогодой.

Конечно, в народной армии, тысячью нитей привязанной к родной земле, не могло не существовать желания скорейшего окончания войны, требовавшей все новых жертв. Понятно, что

---

*) Die Operationen der 2 Armee an der Loire. Berlin 1875. E. S. Mittler und Sohn., Königliche Hofbuchhandlung.

воодушевление первых месяцев должно было уступить место хладнокровной выдержке. Последняя являлась даже необходимой предпосылкой той гигантской работы, которая была проделана на западе и востоке. Деятельность эта потребовала не воодушевления, а свойственного немецкому солдату героического сознания долга.

В нашей армии, кроме того, живет хладнокровное презрение к смерти, являвшееся, вообще говоря, свойством отборных профессиональных армий и все же она остается народным войском в лучшем смысле этого слова, Клаузевиц говорит *). Присматриваясь к какому-нибудь суровому воинственному народу и сравнивая его с народом цивилизованным, мы замечаем, что в первом—отдельным бойцам в значительно большей степени присущ воинственный дух, что об'ясняется тем, что у цивилизованных народов очень многие становятся в ряды воинов по необходимости и, во всяком случае, не по внутреннему побуждению. Однако, внедренное воспитанием чувство долга, сознательная воля общества—в таких случаях, где, как в нынешней войне, дело идет о самых дорогих для нас вещах, где цель каждому ясна—совершили еще большее, чем простой воинственный инстинкт или как у японцев честолюбие почетной гибели (Beseligung im Untergang).

Действительно невозможно в достаточной степени оценить ту стойкость в сопротивлении, то чувство долга, которое проявили всюду наши войска в борьбе с противником, обладавшим подавляющим превосходством сил. Тем не менее, мы не должны оставить без внимания и наших противников, в первую голову французов. У них также каждый был готов умереть за родину. Во всех слоях нации обнаружилась при этом такая нервная крепость, такая способность выносить непогоду, какую никто не ожидал от современного культурного человека, особенно принимая во внимание действие современного оружия. До войны считалось установленным, что боеспособность старших сроков службы очень ограничена.

Фельдмаршал граф Шлиффен, преподававший нам искусство управления массовыми армиями, не смотря на свое убеждение в громадном значении численности на войне и на необходимость использования старших возрастов в первой линии,

*) Vom Kriege 1 Buch 3 Kapitel.

все же утверждает *): «Ландвер и Ландштурм, территориальная армия и резервы территориальной армии смогут только с большими оговорками и ограничениями быть сопричислены к вооруженному народу».

Если мировая война не подтвердила этих предсказаний, то лишь потому, что такие невесомые вещи совершенно не поддаются учету. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что в этой области пришлось столкнуться с рядом неожиданностей. Так, громадную роль в сохранении боеспособности народной армии следует приписать далеко шагнувшей вперед гигиене и искусству лечения ран. Во всяком случае, на немецкой стороне, врачебное искусство и наука совершили многое. Они избавили нашу армию от эпидемий, этого бича прежних войн, причем в строй возвращались почти 90 из 100 раненых. Только таким образом можно было долгое время поддерживать численность наших войск на одном уровне и так долго продолжать войну.

Русские же меньше всех других наших противников поразили нас неожиданностью. Правда, они подвели свои массы раньше, чем мы ожидали, но эти массы оказались столь неповоротливыми, что высокая подвижность наших войск уравнивала это обстоятельство. Непоколебимая стойкость наших войск против практиковавшихся русскими массовых атак затем доделала остальное.

Русская армия после введения в 1874 г. общеобязательной воинской повинности приобрела совершенно другой оттенок. Вместо старых солдат с долгими сроками службы, для которых полк служит отечеством—выступили люди первоначально с шестилетним, затем 4-х и 3-х летними сроками службы. Многие условия, которые некогда составляли силу русской армии, теперь отпали.

Привычка к повиновению мужика более и более клонилась к исчезновению, не будучи при этом заступаема просвещенным сознанием долга, какое может существовать только у старого культурного народа. Если эта армия оказалась несостоятельной в Восточной Азии, то причину этому нужно искать в том, что она была не в состоянии приспособиться к условиям современного боя. Так, например, русская армия совершенно не знала воспитания отдельного солдата в духе проявления им самостоя-

*) A. a. D.

тельности во время боя. В своем отчете царю о Манчжурской войне Куропаткин говорит: «Несомненно, всеобщая воинская повинность улучшила в нравственном отношении наш солдатский материал в его целом, тем не менее, при низком культурном уровне отдельного человека у нас крайне трудно дать ему понятие о дисциплине. Вера в Бога, преданность царю, любовь к родине, все это еще сегодня служит крепкой спайкой наших войск и дает возможность сделать из него храброго и послушного воина, но чувства эти в последнее время были сильно поколеблены и вырваны из сердца русского человека». Далеко не безукоризненное поведение войск в бою должно было быть, по мнению генерала, главным образом, приписано непопулярности войны с Японией. Он пишет: «Ныне, более чем когда-либо, моральная сила войска зависит от настроения нации. Поэтому, если хотят добиться успеха, война должна быть популярна; вместе с правительстом к победе должен стремиться весь народ. Цели же, которые мы преследовали на Дальнем Востоке, были чужды как солдату, так и офицеру». В 1914 году обстоятельства в этом отношении сложились совершенно иначе. Война была в начале чрезвычайно популярна в России. Притом русская армия многому выучилась в Маньчжурской кампании как в области организационной и оперативной, так и в области тактики. Ее планомерно подготовляли к войне против Германии и Австро-Венгрии. Тем не менее, слабые стороны, лежавшие в государственном устройстве, с одной стороны, и национальном характере другой, не могли быть устранены в течение одного десятилетия. Куропаткин выразил уверенность, что, в случае вступления России в войну против Германии и Австро-Венгрии, она в начале будет побита. Только современем—опираясь на свои неисчерпаемые людские запасы—Россия сможет надеяться на перелом.

Проникнутый уважением к германской культуре, Куропаткин, в бытность военным министром, говорил о возможности наступательной войны против Германии, как о несчастии для русского государства.

Да разве сама мировая война не показала, что Россия не дозрела до общеобязательной воинской повинности. Не будь этого, мы и наши союзники не смогли бы обороняться против окружающего нас, подавляющего превосходства сил. Союзная нам австро-венгерская армия неоднократно была близка к гибели

под натиском численно во много раз ее превосходивших русских сил. С самого начала ей оказалось не под силу справиться с главной массой русских войск, направленных в Галицию. В самопожертвовании у австрийцев недостатка не было. Те же августовские и сентябрьские бои 1914 года явили пример героической храбрости, проявленной королевской и императорской армиями. Также и воодушевление к этой гигантской борьбе было в ней налицо. Конечно, охватить всю армию в целом, как то было в армии германской, воодушевление не могло, принимая во внимание разноплеменность Двуединой Монархии. То чувство единства, которое царствовало у нас, не могло здесь иметь под собой почвы. Перед военным управлением вставали, благодаря этой разноплеменности войска, такие задачи, которых не знали ни мы, ни наши противники. Кроме того, храбрым императорским и королевским войскам приходилось расплачиваться за все грехи и упущения своих народных представительств, в течение предшествовавших десятков лет. Армия была численно слишком слаба и снабжена далеко недостаточным количеством артиллерии для того, чтобы с успехом отражать русских и одновременно бороться с сербами. Малочисленные кадры мирного времени не дали возможности осуществить в полной мере боевую тактическую подготовку. Сплоченность и спайка крупных боевых единиц, не могли, конечно, от этого обстоятельства не пострадать.

С другой стороны, если русским, несмотря на громадное их численное превосходство, все же не удалось осенью 1914 г. разгромить храброе австро-венгерское войско под Лембергом (Львовом) и на Сене, то это обстоятельство только подтверждает малое уменье и недостаточную подвижность русской армии. Правда, что в течение войны, они в этом отношении сделали некоторые успехи. Беспощадное использование русских войск, вожди коих никогда не щадили человеческих жизней, сохранило для нас в их лице достойних внимания противников, несмотря на все понесенные ими тяжелые потери и совершенно недостаточную подготовку их запасных контингентов.

Элемент моральный, как показала война, продолжает оставаться решающим дело фактором, несмотря на все современное богатство технических средств. У Центральных держав, ведших оборонительную войну, навязанную им извне, ярко проявилась та возвышенная нравственная сила, которая оказалась

надежнее тех побуждений, которые могли черпать наши враги при ведении своей меркантильной грабительской войны. К немецкому народу чрезвычайно подходят слова Дройзена: «Конечно, не простое военное счастье разрешает споры о праве между государствами; в борьбе за существование падают те, кто отмечен слабостями и недостатками, которых история не прощает. Богатство, обилие технических средств, численность — всего этого недостаточно, существуют другие, этические моменты, которые приводят к победе: образование, тщательное проводимое до самых низов, порядок и подчинение, придающая массе форму, дисциплина, которая дает возможность этой массой управлять и заставлять ее полагаться на свои силы, даже при неудачах, благородные побуждения, закаляющие и дающие силы душе, твердая воля, всем управляющая, наконец, сила мысли, ведущей к заветной цели».

III. Влияние техники.

Крупное значение техники в современной войне в области как действия современного оружия, так и защиты против него, в области средств сообщения и связи, а также и воздушной войне, не должно быть упускаемо из виду. Оно могло полностью обнаружиться лишь в самом ходе войны. В довоенное время мы об его истинных размерах больше знали по догадке, ибо об испытании новых технических средств в крупном масштабе, не говоря уже о тех размерах, каких применение их достигло в последней войне,—не могло быть и речи.

Русско-японская война также не дала на этот счет исчерпывающих указаний; из ее опыта нельзя было вывести истинного представления о будущем военной техники. К тому же, техника развивалась в быстро растущей прогрессии как раз в десятилетие, следовавшее за маньчжурской кампанией.

Значение железных дорог, как военного средства, было некогда признано Мольтке. После этого он имел возможность продолжительное время наблюдать за их развитием. До начала мировой войны стратегическое развертывание, произведенное при помощи германских железных дорог в 1870 году, считалось не превзойденным образцом, что, принимая во внимание слабое развитие тогдашней железнодорожной сети, нужно признать справедливым. А ведь тогда требовалось перебросить к границе не полных полмиллиона, против $1^1/_2$ миллиона в 1913 году. Что касается циркулировавших внутри страны поездов с мобилизованными, то число их против 1870 г. более чем утроилось. Далее все те переброски войсковых частей, кои имели место в обоих сторонах во время кампании 1870 г. во Франции, кажутся также очень незначительными по сравнению с масштабом последней войны. На отдельных театрах войны имели место беспрерывные, продолжительные перевозки по железным дорогам; кроме того, железные дороги использовывались при маневрировании. Представление о железных дорогах, как о средстве передвижения крайне негибком, в противоположность пешим пере-

ходам, при коих, по желанию, может быть то или иное направление—должно было при этом существенно измениться.

Всюду удавалось, несмотря на упомянутую негибкость этого средства передвижения, перебрасывать этим путем войска, сообразуясь с указаниями военного командования. Даже целые армии перебрасывались с одного фронта на другой, что было для центральных держав необходимостью, вытекавшей из самого характера войны на нескольких фронтах. Вообще говоря, и при прежних войнах имело место использование железных дорог, как-то в Северо-Американскую гражданскую войну, в войну 1866 года, когда крупные силы южной австрийской армии были сначала переброшены через Альпы на Дунай, а затем обратно в верхнюю Италию. Когда в 1866 году после Кенигреца стали опасаться нападения Франции. Мольтке тотчас наметил перевозку на Рейн стоявших в Моравии прусских военных сил. Однако, как в отношении расстояния, так и в отношении численности перевозимых войск и военного материала, к железным дорогам, никогда и никем не пред'являлось таких требований, как в нынешней войне. Громадная численность масс, участвовавших в войне, обусловливала сильную их зависимость от деятельности железных дорог. Если же в 1870—71 г.г. состоявшая всего из 3-х армейских корпусов 2-я немецкая армия на Луаре чрезвычайно остро ощущала отсутствие собственной железнодорожной линии в тылу, то в наше время беспрепятственное развитие операций в войне маневренной и сохранение занятых позиций в войне позиционной—оказались возможными лишь в том случае, когда при помощи железных дорог бывал обеспечен с одной стороны подвоз боевых припасов, жизненных средств и приток запасных контингентов и, с другой стороны,—эвакуация раненых и планомерная организация санитарного дела вообще. Только по временам удавалось заменять железные дороги грузовыми автомобилями. Вполне же заменить этим путем железные дороги нам не удалось.

Что касается представления о железных дорогах, как о сооружении чрезвычайно хрупком, могущем быть легко приведенном в негодность, то это представление не нашло себе подтверждения. Это было верно в 1870 г. Современная же техника всегда находила средства сравнительно скоро устранять подобного рода препятствия и восстанавливать движение на протяжении пострадавших пространств. Где-же представились в

силу боевой обстановки особенные затруднения, в области железно-дорожного транспорта, как например, в конце осени 1915 г. в Македонии, военные операции должны были действительно приостановиться.

В своей истории осенней кампании 1813 года генерал-лейтенант Фридерик приписывает поражение Наполеона, главным образом, невозможности управлять и своевременно поддерживать подкреплениями, разбросанные в Саксонии, Шлезвиге, на Нижней Эльбе и Баварии отдельные группы своей армии, достигавшей в совокупности 1/2 миллиона бойцов. У него отсутствовали железные дороги. Армии того времени уже переросли наличные технические средства. Если внимательно вдуматься в тот факт, что Наполеону, возвратившемуся 28-го августа в Дрезден, после начатого им преследования главной союзной армии, лишь 3 сентября стало известно о поражении Удино при Гросберене и Макдональда под Катубахом, со всеми вытекающими отсюда последствиями, и причем все это имело место в окружности от 50—100 километров от Дрездена, на каковом пространстве к тому времени были расположены его войска—если вдуматься в этот факт, станут понятными все трудности, сопряженные с общим управлением боевых действий даже сравнительно близких, но самостоятельных войсковых групп.

Даже и с введением железных дорог и телеграфа эти затруднения при недостаточности технических приспособлений и при слабом снабжении ими войск не всегда могли быть устранены. Перед битвой под Кенигрецом не существовало телеграфной связи Главной Квартиры в Гитшине со второй армией прусского кронпринца. Составленный в полночь приказ вступить в сражение был доставлен в Кенигинхоф, Главную Квартиру 2-й армии флигель-ад'ютантом, подполковником графом Финкенштейном, покрывшим 40 километров пути 4-х часовым ночным переездом. Еще в 1870—71 г.г. были довольно часты случаи несоответственной или недостаточной телеграфной связи.

В последней же мировой войне посредством телефона, простого и беспроволочного телеграфа удалось придать связи гораздо более твердую почву. По телефону передавались приказания и выслушивались донесения, даже в районе непосредственных боевых действий. Такие верховые переезды, как тот, который совершил граф Финкенштейн в ночь перед Кенигрецом, заменяются поездками в легковых автомобилях, чем достигается

значительно более верная и быстрая передача приказов. Автомобили и железные дороги дают возможность также и словесного обмена мнений между начальствующими лицами или их доверенными. Вся вообще организация дела была современными техническими средствами поставлена на гораздо более солидное основание, чем то имело место прежде; эти новейшие завоевания техники были необходимой предпосылкой современной войны, которая ведется при участии громадных масс, и при которой является необходимость в преодолении больших пространств. При той степени развития техники, какая существовала в 1870 году, современное управление армиями и войсками оказалось бы невозможным. Каковы бы, однако, ни были те крупные преимущества, которые современное военное управление, черпает в завоеваниях техники, это обстоятельство не в состоянии в достаточной мере парализовать влияние тех неблагоприятных условий, которые перед этим военным управлением стоят. Ныне, как и прежде, война остается областью неизвестности и трений.

Целым рядом позднейших усовершенствований, аэропланы были подняты на уровень, давший возможность использовать их как военное средство. При этом дирижабли, очень ценные для разведок на море, должны были в войне сухопутной уступить свое первенство аэропланам. Цеппелины чрезвычайно уязвимы. Они должны держаться на значительной высоте, ибо представляют очень крупную цель. Это обстоятельство, в свою очередь, в высшей степени неблагоприятно отражается на меткости сбрасываемых ими бомб. Кроме того, они требуют крупной затраты рабочей силы и материалов, а также нуждаются в ангарах для своего сбережения. Гениальное, составившее эпоху, изобретение графа Цеппелина создало военное средство, которое в начале войны оказало громадное моральное влияние и которое использовано, как средство борьбы с Англией на ее собственной территории, оказало нам ценнейшие услуги, до той поры, пока и в этом отношении оно не было вытеснено крупными боевыми аэропланами. Значение аэроплана особенно поднялось, когда была достигнута возможность полета на высоте свыше 3.000 метров и, следовательно, уменьшились шансы быть подстреленными снизу. Германская промышленность доставляла нашим летчикам такой материал, который давал им возможность все больше и больше завоевывать первенство в воздухе.

Это боевое средство имеет громадное будущее. Оно находится в благоприятных для своего развития условиях.

Аэроплан показал себя, как весьма действительное средство разведки, как оперативной, так и тактической. Впоследствии на ряду с ним получил широкое применение для более постоянного наблюдения привязной воздушный шар. Получаемые с аэропланов снимки служили для военного командования при позиционной войне, когда не было другого средства разведки, весьма ценным подспорьем. Каждое изменение занимаемой противником позиции и все вообще находящееся за линией его фронта могло быть зафиксировано. И в маневренной войне отважные летчики производили разведку на больших пространствах. Эта возможность наблюдать неприятельский тыл была новым явлением. Кавалерия, даже в более раннюю эпоху, когда действие современного оружия еще не парализовало в такой степени, как ныне, ее деятельности в области разведки, не могла делать что-либо подобное.

Как до сих пор перед фронтом имели место кавалерийские бои, причем каждая сторона старалась, оттеснив силы противника, получить возможность наблюдения или, обратно, не дать возможности противнику наблюдать,—так теперь над фронтом развертываются воздушные бои с той же целью—получить возможность наблюдать.

Аэроплан затем оказывается превосходным средством непосредственного сотрудничества с пехотой, равно как и наблюдения за артиллерийским огнем. Французы очень скоро пристреливались при помощи своих воздушных наблюдателей, искусство, которому, однако, мы подражали со все возрастающим успехом.

Враждебные действия под линией фронтов не ограничились разведкой, они приняли характер также и сбрасывания бомб. Неоднократно имело место нанесение противнику вреда путем воздушной бомбардировки занимаемых им населенных пунктов, а также его лагерей, артиллерийских складов и других учреждений, причем часто с успехом подвергались такого рода обстрелу его войсковые группы. Сверх того, воздушные эскадрильи, направленные в неприятельский тыл, давали возможность напасть на крепости, пункты, откуда шло снабжение армий и, вообще, на разного рода военные учреждения. При этом страдали также неукрепленные населенные пункты, лишенные военного значе-

ния. Хотя, как общее правило, такие меры должны быть отвергнуты, тем не менее сколько-нибудь определенных границ между допустимым и недопустимым тут провести нельзя. Всякое новое военное средство прокладывает в этом отношении новые пути, как то видно хотя бы из опыта подводной войны. Современная борьба народов, имеющая обоснование в области мирового хозяйства, все более и более применяет средства борьбы, непосредственно бьющие по стране противника, причем существовавшая до сих пор международно—правовая норма, гласившая, что война ведется только против вооруженной силы врага, должна была и в этом случае примириться с фактами.

Что касается действия ручным оружием, то, как это ни кажется странным, оно несомненно, поскольку дело идет о пехоте, совершило попятное движение. Противники, хотя и снабженные дальнобойными ружьями, очутились в позиционной войне в таком близком друг от друга расстоянии, что они большей частью прибегали к холодному оружию, а ручные гранаты, употреблявшиеся в давно-прошедшую эпоху, опять возродились в усовершенствованной форме. Хотя Русско-Японская война уже явила примеры, когда противники продолжительное время стояли друг против друга в самом близком расстоянии и, хотя в Бурской войне бои частью также разыгрывались на самом близком расстоянии, тем не менее, все эти примеры принято было считать за исключения, об'ясняя их или местными условиями или врожденными задатками столкнувшихся народов, причем за решающий фактор принимали ружейный огонь на расстоянии 800—400 метров. Даже при таком несовершенном типе огнестрельного оружия, каким было старое игольчатое оружье, сопоставленное с современной магазинкой, Мольтке в 1865 г. безусловно придавал действию огня первостепенное значение. Он пишет: *) Штыковая атака является средством, чтобы окончательно опрокинуть врага; ни один военный не пожелает отказаться от его употребления. Несомненно, в солдате должна быть всемерно воспитана и поддержана вера в могущество холодного оружия, однако, употребление такового, зависит от хода боя и должно подготовиться огнем.

На основании французских сообщений о кампании 1859 г.,— после того, как мы отделим в них истину от драматических

*) Einfluss der verbesserten Feuerwaffen auf die Taktik. Taktischstrategische Aufsätze. S. 59.

аксессуаров,—можно придти к заключению, что в подавляющем числе случаев противник, потрясенный тяжелыми потерями, уклоняется от рукопашного боя. Еще раньше фельдмаршал высказывает: *) правда, генерал Ниель приписывает свою победу (в сражении при Сольферино) штыку, но не останавливаясь на том, как часто атака сводилась к рукопашному бою, следует признать, что, как общее правило, последний только обозначался, так как противник его не принимал. Выше уже было упомянуто о тех психологических моментах, которые вызывают такое обострение взаимной ожесточенности, о каком во времена Мольтке не могло быть и речи. Далее фельдмаршал, упоминая о нескольких рукопашных боях с удачным исходом, имевших место во время Освободительной войны, говорит по этому поводу об условиях, исключавших применение в данных примерах огнестрельного оружия. Фельдмаршал при этом, конечно, не мог предвидеть, что придет время, когда подобные условия воцарятся на протяжении многих миль вдоль фронта целых армий.

Подобно бою ручными гранатами, и бой посредством мин также обязан своим возрождением позиционной войне. Уже под Порт-Артуром этого рода военные действия приобрели право гражданства. Вполне понятно, что, когда стали применяться приемы крепостной войны, то с этого же времени начинают пользоваться всеми теми средствами, которыми в подобного рода войне выдвигаются, будь это средство прежних времен, усовершенствованные современной техникой или средства новые, этой техникой выдвинутые. Так стали применяться особые огнеметы для ближнего боя, минометы улучшенные, старые траншейные мортиры, окопные пушки и мушкеты. Значение пулеметов возросло, что выразилось в увеличении их числа. В газовых атаках и в газовых гранатах появилось новое военное средство. В противовес им появляются противо-газовые маски. Англичане и французы пытались расчищать путь перед своими штурмовыми войсками посредством особых автомобилей—танков. Война, вообще, породила соответственно степени развития современной техники, такие изобретения и улучшения, как никакая война до нее. За германской промышленностью вообще и за химической в особенности навеки закреплена слава успешной борьбы

*) Kriegsgeschichtliche Arbeiten III. Der Italienische Feldzug des Jahres 1859, S. 258.

против индустрии всего мира. Запасы артиллерийских снарядов, предназначенные на случай войны, оказались во всех участвовавших в войне государствах далеко не достаточными. В этом отношении положение было особенно напряженным к концу осени 1914 года, когда наши войска временами попадали, благодаря этому обстоятельству, в затруднительное положение. Ясно, что не было возможности сделать во время мира те колоссальные запасы, которых потребовала война. Эти военные потребности впоследствии все в большей степени покрывались работой нашей промышленности. Этой последней пришлось в этом отношении вступить в соревнование со снабжавшей наших противников промышленностью Америки, а в отношении России, также и со стоявшей за ней промышленностью Японии.

Соответственно целей, пользовавшихся естественными или искусственными прикрытиями, первостепенное значение приобрела артиллерия с крутой траэкторией. В своих многочисленных тяжелых, полевых и гаубичных батареях, мы вначале обладали перед французами большим преимуществом, которое они впоследствии сгладили необычайно искусным использованием и умелой группировкой своей артиллерии. В дальнейшем ходе войны, французы и англичане пустили в дело самый крупный калибр. Выпускали по нашим позициям колоссальное количество снарядов. Самые позиции как у нас, так и у наших противником приобретали более и более крепостной характер, особенно посредством легко устанавливаемых проволочных заграждений, искусство приготовления которых в столь колоссальных размерах является завоеванием современной промышленности. Это обстоятельство в связи с поразительными успехами нашей гаубичной артиллерии и австрийских мортир на автомобилях при действиях против бельгийских, позднее русских крепостей, привела некоторых к заключению, что в будущем, вообще, укрепленная траншея заменит крепость. Как бы то ни было, следует считать установленным, что устаревшие крепости, во всяком случае, бесполезны; затем, нужно напомнить, что старое, идущее из средних веков представление о том, что упрочение господства над занимаемым пунктом достигается лишь путем его укрепления, было давно опровергнуто. Уже Наполеон писал в 1809 году: *) «Крепости являются таким же оружием, как и

*) Corr. XVIII Nr 14707. Notes sur la défense de l'Italie.

пушки, которые не могут без посторонней помощи выполнить свое назначение. Они должны быть умело и соответственно использованы».

В 1806 году высказывает он убеждение, что *) при закладке крепостей следует придерживаться тех же правил, как при выработке плана расположения войск. Следовательно, другими словами, крепости должны служить целям операционным, а так как характер, который эти последние примут, ни в коем случае не поддается в полной степени предвидению, то, отсюда, как будто вытекает, что крепости должны создаваться уже во время войны и в тех пунктах, где в них ощущается нужда. Такое утверждение, однако, было бы слишком смелым. Нельзя обойтись без определенных, заранее подготовленных, хорошо оборудованных опорных пунктах в тех районах, где мы принуждены ограничиться обороной. Какую ценность такие пункты могут иметь можно видеть на примере крепостей вдоль восточной границы Франции, в первую очередь Вердена, и укрепленной линии Мозеля. Если занятые малочисленными гарнизонами, расположенные на больших друг от друга расстояниях крепости восточной границы Франции в 1814 году рассматривались противниками наступления вглубь Франции как неприступный барьер, то для тогдашнего времени это было сильным преувеличением. Через столетие это соответствовало истине. Даже могучее действие нашей самой тяжелой артиллерии под Верденом не дало возможности подготовить общего штурма—это лучшее доказательство того, что искусно возведенные крепостные сооружения еще могут играть крупную роль, если местность им благоприятствует.

Наоборот крупные города укреплять теперь не имеет смысла. Укрепленные города давно уж потеряли значение ядра крепости и в будущем могут претендовать на роль убежища посреди укрепленной зоны. В таковых же всегда будет ощущаться нужда, если мы примем во внимание, что известные пограничные области обеспечиваются еще в мирное время рядом долговременных укреплений, к которым с об'явлением войны присоединяются новые, материал для которых должен быть заранее припасен. Дело идет не о постройке сплошной линии, к чему обстоятельства принудили нас в мировой войне, а дело идет о постройке

*) Corr. XIII Nr 10726.

опорных пунктов, коими ныне являются уже не укрепленные города, а укрепленные участки местности.

Мировая война далее подтвердила, как это подробно разобрано ниже, ту старую истину, которая утверждала, что только наступлением можно добиться решительного успеха и, что идеалом должна служить всегда война маневренная, а не позиционная. С другой же стороны в ходе войны выявилась колоссальная мощь обороны, опирающейся на искусно возведенную систему укреплений, дающую возможность противодействовать силе современного огня. Это обстоятельство является для нас фактом первостепенной важности, если принять во внимание наше центральное географическое положение.

IV. Управление.

Следствием высокой степени развития современной техники явились те многочисленные особенности, которыми отмечена мировая война, сопоставленная с войнами предшествующими. Тем не менее, было бы большим заблуждением считать весь накопившийся в предшествующие эпохи опыт устаревшим. Невольно цепляешься за самое ближайшее.

Еще при разработке опыта бурской войны и Манчжурских боев пришлось столкнутся с тенденцией к односторонности. Выше уже говорилось, что, несмотря на колоссальнейшее могущество современного огня, решающим фактором на войне продолжает оставаться в конечном счете элемент моральный. То же относится и к элементу умовому—к управлению. Если бы это последнее пренебрегло опытом предшествовавших войн, оно неминуемо бы впало в самую вредную односторонность.

Как и вообще в явлениях практической жизни, в рассматриваемой нами области нужно уметь провести разграничительную черту между знанием и умением, чрезвычайно метко выражается по этому поводу Клаузевиц: *) «Тот кто избрал военное дело своей специальностью, должен пользоваться книгами лишь как средством для воспитания своего ума. Если же он в своей деятельности будет руководиться готовыми идеями, не вскормленными в его уме собственным опытом и облеченными в его сознании в плоть и кровь, то построенные на основании таких идей планы будут рассыпаться в прах под ударами действительности. Такой военный всегда останется чуждым простым непосредственным людям и никогда не завоюет их доверия, особенно тех лучших из их среды, которые всегда знают чего хотят».

Итак, то чему учит прошедшее, должно быть далее разрабатываемо и применено к современной обстановке. Этому методу следовал в свое время Мольтке. Ко времени назначения своего на пост начальника генерального штаба он был уже

*) Bd. VII. Feldzug 1812 г.

человеком пожилым, обладавшим богатым жизненным опытом и солидной научной подготовкой, но лишенным собственного опыта большой европейской войны. Он был вынужден опираться на опыт Наполеоновских войн. Ведь те армии, которыми он впоследствии руководил, были не крупнее армий I-й Империи в эпоху последних Наполеоновских войн.

Армейский корпус в 1866 году и частью в 1870 г. играл ту роль, какая теперь выпадает на долю целой армии, или по крайней мере армейской группы. Что же касается боевых средств в эпоху Мольтке, то они отличались от соответствующих средств Наполеоновской эпохи менее чем современное техническое оборудование армии от такового 1870 года. Заряжаемые с казны ружья и нарезная артиллерия уже тогда представляли значительный прогресс в технике, и именно Мольтке совершенно верно оценил их влияние на тактику. Конечно, в ту эпоху дело не обошлось без неожиданностей, что имеет место в каждой войне. Правда, значение массового ружейного огня впервые вполне обнаружилось при действии ружей Chassepot в 1870 году, и все же сам Мольтке в инструкции старшим войсковым начальникам вменяет в обязанность следить за тем, чтобы огонь открывался в цепи лишь при сближении с противником на расстоянии 300 шагов, за исключением людей, назначенных для дальней стрельбы.

Утром 18-го августа 1870 года командир III Армейского корпуса генерал-лейтенант Альвенслебен в разговоре с начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал-майором фон-Папе, следующим образом изложил свои соображения, по поводу приобретенного у Вионвиля за 2 дня перед тем опыта: «Ружье Chassepot до сих пор не дооценивалась, отчасти это относится и к митральезе. Невозможно продвигаться при помощи нашей усвоенной на учебных плацах тактики, нужно больше маневрировать, нужно уметь использовать малейшее прикрытие, представляемое местностью, нужно прежде всего, чтобы артиллерия предварительно провела длительную систематическую подготовку. *) Еще гораздо действительнее оказался огонь скорострельной малокалиберной магазинки, примененной против англичан в Южно-Африканской войне. Когда эти последние

*) Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik V. Der 18 August 1870 S. 407.

18 февраля 1900 г. при Паардберге были отброшены с тяжелыми потерями, лорд Китченер на другой день выразился следующим образом: «Если бы я вчера знал то, что знаю сегодня, я бы не атаковал буров в речной долине, это предприятие безнадежное при действии современного ружья».

При начале каждой кампании с трудом дается понимание того обстоятельства, что при упражнениях мирного времени имеешь дело с действием неприятельского огня. А от всех неожиданностей, которые при этом нас ожидают, нас не предохранит никакое военное обучение. Это последнее всегда лишь в ограниченной степени может примениться ко всем требованиям практики.

В области военного обучения фельдмаршал граф Шлиффен, как впрочем и до него Мольтке, признавая невозможным предвидеть во всех подробностях характер будущей войны, направил свои усилия на воспитание умов в духе современной войны. Так, уже покинув свой пост, в 1909 году он пишет: «Непосредственным результатом усовершенствованного оружия является удлинение боевого фронта. В боях последних двух столетий исчисляли на круг по 10 или 15 человек на каждый метр протяжения боевой линии, включая сюда части всех родов оружия и все резервы. Еще 40 лет назад нормой считали 10 человек на каждый шаг протяжения. Уже в Дальневосточной кампании приходилось часто менее трех человек на каждый метр. Ни один из противников при этом не руководствовался в этом отношении какими либо твердо-основанными принципами. И, наоборот, обе стороны оставили без применения усвоенные ими в течение мира на этот счет теории. Длинные фронты были вызваны к жизни самым ходом вещей, инстинктивным стремлением укрыться от неприятельского огня, сохраняя в то же время возможность использовать превосходное оружие. Поэтому бесспорно, что проявившиеся в свое время на Востоке своеобразные явления повторятся также на европейском театре войны. Поля будущих сражений будут иметь совсем другое протяжение, чем в прошлом. Армии как те, которые участвовали под Кенигрецом или Гравелотом, С. Прива будут занимать пространство вчетверо большее. А что значат те 220.000 человек, которые были под Гравелотом—С. Прива, при сопоставлении их с теми массами, которые несомненно выступят на сцену в будущей войне!»

Тенденция к колоссальным числам, доведенная до апогея, действительно проявилась в современной войне. Граф Шлиффен это явление своевременно предвидел. Нашим успехам в мировой войне мы в значительной степени обязаны неутомимым его усилиям по подготовке нашего генерального штаба и высшего командного состава к массовой войне. Его заместитель, генерал-полковник Мольтке, вполне разделял основную идею своего предшественника, так что открывшиеся в августе 1914 года военные операции на западном фронте в начальном своем периоде, в общем и целом велись в духе взглядов Шлиффена. Если нам тогда и не удалось опрокинуть Францию, то нужно признать, что уже до Марны мы совершили колоссально много. Выполнение задуманного плана было германским высшим командованием, на основании их широких соображений, внезапно прервано и, сообразно общему положению дел, был отдан приказ «о стратегическом отходе на новую линию фронта». Так оценивает один нейтральный писатель*) битву на Марне. И, конечно, малого не доставало, чтобы одержать победу и избежать отступления. Тем не менее решающим фактором нужно признать невозможность для германского наступления пробиться через ощетинившуюся оружием неприятельскую страну. Отозвание германских армий после ослепительных начальных успехов должно было, разумеется, вызвать горькое разочарование на родине.

Не нужно также забывать, что если Мольтке добился Меца и Седана, он опирался на значительное превосходство. Немецкие силы в начале войны 1870 года относились к французской как 5 : 3. К началу же войны 1914 года вооруженные силы даже одной Франции несколько превосходили общее число мобилизованных германских сил. Если же вычесть отсюда войска, впоследствии переброшенные на Восток, а также войсковые части с самого начала несшие службу по охране побережья, то превосходство французов, бельгийцев и англичан выразится в цифре $^3/_4$ миллиона человек. К тому же из состава действовавших на Западе германских сил, кроме отосланных на Восток двух армейских корпусов, пришлось выделить два корпуса на осаду Антверпена и Мобежа.

Здесь можно лишний раз наблюдать подтверждение старой истины, гласящей, что силы уменьшаются при наступлении.

*) Stegemann a. a. I S 211.

Наполеон перешел через Рейн и Майн осенью 1805 года с армией превышающей 200.000 человек, а при Аустерлице в состав его сил входило лишь 75.000 человек. Под Эйлау ему удалось использовать лишь 60.000 человек из тех 200.000, коими он располагал после прибытия в Северную Германию Контингентов Рейнского Союза. Нечего и говорить о гибели Великой Армии в 1812 году. Несмотря на значительное численное превосходство, коими мы обладали в 1870/71 году в начале войны и которое, принимая во внимание непрерывный приток подкреплений из Германии, должно оценить в 1.147.000 человек, несмотря далее на крупнейшие наши начальные успехи, несмотря на все это оказанное Францией, при помощи повсеместно сформированных ею частей, нежданное длительное сопротивление временами создавало для нас затруднительное положение. Энергичное, направленное на разгром врага наступление почти всегда наталкивалось на недостаток войск для доведения дела до конца. Клаузевиц следующим образом выражает эту мысль: «Каждое наступление должно заканчиваться обороной». *)

Наполеон, тогда еще генерал Бонапарт, однажды высказал в разговоре с генералом Моро, убеждение, **) что численность является на войне фактором решающим, причем он выразился: «В конечном счете, победа все же остается за более крупными силами (aux plus gros battaillons). Моро, согласно цитированного выше источника, ответил, что, хотя это по существу верно, однако сам же Бонапарт ведь явил в Италии пример того, что численное превосходство часто не находит себе решающего противовеса в храбрости, опытности, дисциплине и в особенности в таланте вождя. На это Бонопарт будто-бы ответил: «Это может иметь место в сражении, редко в целой кампании». Победы изнашивают армии медленно, но почти с такой же верностью, как поражения.

Итак германское наступление начали в сентябре 1914 года и оно оказалось недостаточно сильным для сокрушения врага. Оно было рассчитано на двойной охват. Однако, на левом фланге наши войска были остановлены крепостями восточной границы Франции, на преодоление которых мы рассчитывали, под впечатлением быстрых успехов, при действиях против

*) Vom Kriege. Stizzen zum VII. Buch 7 Kap.
**) Angeführt nach Pierron. Méthodes de guerre. I.

бельгийских крепостей. Войска же, брошенные на охват левого фланга противника действовали вполне удачно, продвинулись до Парижа и перебросились за Марну, но здесь сами очутились под угрозой охвата и столкнулись с невозможностью дальнейшего фронтального продвижения. Задача обороны страны, стоявшая перед французским командованием, существенно облегчалась возможностью прислонить правый фланг к линии крепостей на востоке Франции, а также возможностью быстро доставлять войска, как по чрезвычайно для этой цели приспособленной железнодорожной сети, так и по отличным дорогам при помощи многочисленных автомобилей. Кроме того, французское командование действовало по внутренним, более коротким, операционным линиям.

Переходя далее к общим выводам, констатируем впервые обнаружившуюся на Марне истину, что эпоха миллионных армий, с ея усовершенствованным оружием и громадным протяжением фронтов, представляет своеобразные, отличные от предшествующих эпох черты.

Как не различны в отдельных случаях масштабы, в коих события протекали, с какими бы мы ни встречались при их рассмотрении особенностями, обусловленными местными причинами, несмотря даже на часто существеннейшие различия—тем не менее, в общем и целом, мы всюду наблюдаем ту же картину: на Висле и в Галиции в октябре 1914 года, под Лодзью и после зимнего сражения на Мазурских озерах, так и осенью 1915 года под Вильной. Несмотря на одержанные победы, даже на полное уничтожение значительных неприятельских сил, не хватало сил, чтобы добиться общей победы, в широком масштабе. Если отдельные вражеские армии и могут при нынешних условиях подвергнуться полному окружению, как это имело место под Танненбергом, позднее под Германштадтом—этих «Каннах» Шлиффена—если это возможно в отношении отдельных армий, то подвергнуть окружению всю совокупность сил противника можно лишь с большим трудом. Под Марной для этой цели понадобилась бы целая новая армия, которая шла бы уступами позади правого германского крыла. На Востоке же вообще представлялись лишь крайне ограниченные возможности для осуществления охватного движения. Громадный простор их страны давал русским возможность ускользать от попыток охвата. С помощью своей, хотя и редкой, но в оперативном

отношении чрезвычайно благоприятной железнодорожной сети, они по большей части были в состоянии во время поддержать угрожаемое крыло, в то время как у нас и у наших союзников железнодорожное сообщение шло при помощи кружных путей, а по мере дальнейшего продвижения и вовсе прерывалось. К тому же, при крайнем расширении восточного театра войны, удар, нанесенный одному русскому крылу, не мог оказать на остальном протяжении длинного боевого фронта того действия, которое неминуемо сказалось бы у нас при крайне ограниченных размерах театра военных действий.

Опять должна была появиться на сцене тактика прорыва неприятельского фронта при деятельнейшем содействии тяжелой артиллерии, которой неоднократно придерживался Наполеон на столь пространственно ограниченных современных ему полях сражений. Горлица, дальнейшие бои в Галиции, между Бугом и Вислой, прорыв русского фронта под Наревом летом 1915 года, прорыв под Тарнополем в 1917 году являют тому примеры. То же можно было наблюдать и в ходе сербской, в особенности румынской кампании. Предпосылками успеха, прежде всего, было моральное и тактическое превосходство наступающего, а затем и соответствующая сила огневого действия. Вследствие того, что на западе последнее условие для нас не существовало, идея прорыва неприятельского фронта здесь все более и более отпадала. Ведь дело идет вовсе не о том только, чтобы сосредоточенной массой вторгнуться в неприятельский фронт на небольшом участке; совершившие такой прорыв войска сами неминуемо подверглись бы двойному охвату,—нет, дело идет о том, чтобы, продавив на большем или меньшем протяжении неприятельский фронт, этот тактический прорыв превратить затем в прорыв оперативный. В каком масштабе удастся это проделать зависит как от местных условий, так и от общего положения в области оперативной.

Охват как тактический, так и стратегический, продолжает сохранять полностью свое значение. Клаузевиц учит:*) «Решительной победы, можно добиться или охватывающей атакой, или сражением с обратного фронта.**) Обе носят харак-

*) Vom Kriege. Stizzen zum VIII Buch 9. Kapitel.

**) То есть, когда атакующий выходит в тыл противнику и разворачивается фронтом к своим сообщениям, иными словами, к своей базе.

тер решающий». Мольтке явил тому примеры в Кенигреце, Мецe и Адене.

Шлиффен, — видевший главную свою задачу в сохранении во всей его силе в немецком войске жажды уничтожения врага, коей он не давал ослабнуть во все продолжение длительного мирного периода,—классически формулирует в своем сочинении «Канны» необходимые предпосылки успеха в сражении, имеющем целью полное уничтожение врага. Хотя его теория лишь с большими оговорками может быть применена к тем крупным масштабам, в коих протекали события в мировой войне, тем не менее эта последняя являет примеры, в коих охват целого войска,—со всеми вытекающими отсюда последствиями, был вполне возможен. Такая возможность открывалась перед нашими противниками на западе, после сражения на Марне. Они могли, использовав свою благоприятно расположенную и обладавшую большой пропускной способностью железнодорожную сеть, а также наличный состав автомобилей—своевременно бросить крупные силы против германского правого франга, что не дало бы нам возможности укрепиться на Эне и к западу от бельгийской границы. Но, так как на Марне наши противники вовсе не одержали какого либо тактического успеха, то им не доставало ни силы, ни способности к подобного рода операции. Они ограничились лишь тем, что напирали с фронта. Германцы же, в свою очередь, перейдя в частичное контр-наступление, приковали тем самым к себе расположенные против них неприятельские войска. После этого, подкрепив свое правое крыло, они уже были в состоянии противопоставить французской армии, слишком поздно начавшей обходное движение, достаточные силы, несмотря на то, что железнодорожная сеть в Бельгии и северной Франции далеко еще не была в полной мере восстановлена.

Война на западе после битвы на Марне принимает с немецкой стороны характер активной обороны, а затем, после неудачной попытки с боем перейти Изер и после повторной эвакуации войсковых частей на востоке, окончательно становится с конца ноября 1914 года войной позиционной.

Если в мировой войне позиционные бои приобрели столь крупное значение, то никак нельзя видеть единственной причины этого явления в высоко развитой современной технике,— нет, главная причина лежала в неспособности противников Гер-

мании прервать наши фронты на востоке и западе. Если бы нам и противостояли равные по качествам войска, то для нас было бы невозможно продолжительное время сохранять свои позиции под напором обладавших подавляющим численным превосходством противников. Итак, после того как мы были отброшены, вновь придать войне маневренный характер зависело уже от численно нас превосходивших врагов. Этого сделать они не смогли. С другой же стороны, силы центральных держав так же не оказались в состоянии существенно развить начатые на западе к концу 1914 года и на востоке к осени 1915 года наступательные действия прочно укрепившегося врага, и, таким образом, со своей стороны придать войне маневренный характер. Таковой характер война позднее приняла на сербском, а еще через год—на румынском театре военных действий.

При занимаемом центральном положении, нам оставалось лишь после неудачной попытки прорыва на Марне, удовольствоваться «наступлением с ограниченной целью», говоря словами Клаузевица». *)

Он дальше говорит: «Оборона, организуемая на завоеванной территории, имеет гораздо более вызывающий характер, чем оборона в собственной стране. Ибо в первом случае она, до известной степени, проникается принципами наступления». Ход мировой войны вполне это подтвердил. Следовательно, факт подобной обороны сам должен почитаться крупным успехом. Параллельно такого рода обороне, наши войска имели возможность переходить лишь в частичное наступление против врага, как то имело место с нашей стороны под Верденом, со стороны австро-венгерской армии в Венецианских Альпах,—в общем же и целом мы были вынуждены инициативу предоставить врагу. Этим самым мы были вынуждены к упорной, большею частью пассивной, защите наших укрепленных оборонительных линий, а также к усовершенствованию их при помощи всех средств, находящихся в распоряжении полевой фортификации.

Прежде существовавшие воззрения давали почву для вопроса: не лучше ли, допустив врага к прорыву в тех пунктах боевого фронта, оборона коих, под огнем тяжелой артиллерии и минными атаками противника, требовала тяжких жертв—не лучше ли затем наступающие неприятельские войска отбро-

*) Vom Kriege. Stizzen zum VII. 21 Kapitel.

сить назад по ту сторону нашего фронта, выдвинув против них резервы. Этот прием неоднократно применялся на отдельных боевых участках против прорывавшихся частей противника. Однако, применить это средство в крупном масштабе, на большом протяжении, и, таким образом, в значительной степени придать войне маневренный характер, наше высшее командование, принимая во внимание ограниченность наших сил и недостаток артиллерии, не решилось. Между тем, из опыта удалось выяснить, как трудно выравнять образовавшийся в линии фронта выгиб. По самой природе позиционной выйны и по характеру действия современного огня, противники были вынуждены из последних сил вести оборону таких участков, даже когда они были охвачены.

Все ярче проявлявшееся стремление врага расчистить дорогу своей пехоте при помощи артиллерии и минных атак привело затем к другому приему обороны. Германское военное сообщение от 17-го апреля 1917 года, дает ему следующую краткую формулировку:

«При характере современного огневого боя, при коем позиции сравниваются с землей, а в почве образуются глубокие воронки, пассивная, неподвижная оборона невозможна. Бой ведется не за одну укрепленную линию, а за целую уступами расположенную укрепленную зону. Это и является причиной непрекращающейся борьбы за передовые позиции, направленной на сбережение живых сил, на ослабление врага посредством причинения тяжких потерь».

Такой образ действий сберегал человеческие жизни, а также моральные силы войск, кои уже не в столь сильной степени подвергались действию неприятельского огня, как при пассивном сидении в окопах. Может быть, при этом противник и одерживал частичный успех, но за то его попытки к прорыву парализовались. Предпосылкой этой тактики является, во всяком случае, наличие достаточного числа резервных войск для контрнаступления, а также снарядов. В том и другом часто ощущался недостаток во время оборонительных операций 1915 и 1916 г.г.

Открыть же врагу на больших протяжениях фронт и затем, дав ему в крупном масштабе сражение на оккупированной нами французской или бельгийской территории, попытаться одержать успех в области оперативной—было признано нецелесообразным.

Такое контр-наступление в крупном масштабе поставлено было бы в необходимость преодоления тех новых укреплений, кои неприятелем были бы вновь возведены. Если же предположить, что наступление это не дало бы возможности пробиться, то такого рода военные операции привели-бы к отдаче неприятелю новых и новых районов оккупированной нами вражеской территории. Как бы то ни было, наши позиции обнаружили значительные недостатки, ибо расположение их вовсе не было результатом нашего свободного усмотрения, а сложилось само собой по той линии, на коей остановились в своем продвижении наши или неприятельские войска осенью 1914 года. Затем нужно сказать, что на западе на карту были поставлены такие интересы, что даже временная эвакуация мало-мальски крупного района отразилась бы крайне вредно на общем положении. Вспомним только о моральных факторах, имеющих ныне решающий характер, а также о стараниях неприятельской прессы использовать до конца даже малейшую нашу неудачу. Мы должны были стремиться к наивозможно полному использованию плодородной, промышленной области северной Франции.

Частичное оттягивание нашего фронта в районе Анкры, Соммы и Уазы к исходу зимы 1917 года произошло при несколько изменившемся общем положении дел, после того как в тылу были подготовлены более благоприятные и лучше укрепленные позиции. Для врага такая эвакуация передовых линий отчасти оказалась неожиданностью. Наши войска быстро осуществили отходное движение, причем наседавшим частям противника были причинены тяжелые потери: мы же выиграли время, обеспечили свое положение и сберегли силы. Эта мера была принята лишь в отношении выдававшихся вперед участков нашего фронта.

Война, по Клаузевицу, должна руководиться высшим и единственным законом—стремлением добиться решительного успеха на поле брани. В этом духе вели ее король Фридрих, Наполеон и Мольтке. Они добивались уничтожения неприятельской армии, а не завоевания и удержания провинций. Если позиционные бои в нынешнюю войну как раз имели целью удержание завоеванного, то противоречие с образом мыслей величайших полководцев нового времени является лишь кажущимся. Те позиции, на которых мы держались в мировой войне и на которых обе стороны истекали кровью, были боевые фронты;

то не были укрепленные кордоны на подобие тех, что играли роль в 18-м столетии. Укрепленные линии того времени служили, главным образом, цели удержания врага и, по возможности, для избежания боя.

Они, в значительной степени, оправдали свое назначение, если принять во внимание слабость тогдашних наступательных боевых средств, существование наемных армий, а также малоподвижность и малую приспособленность к наступательным действиям господствовавшего в то время линейного боевого порядка.

Где над целым господствовала твердая воля вождя, война тотчас-же приобретала другой характер. Не нужно забывать, что Наполеон также часто отдавал должное укрепленным позициям, что он сам в периоды затишья прибегал к таковым, например в 1807 году на Passarge'е или осенью 1813 года, когда несмотря на маневренный характер своей обороны, все же возвел многочисленные укрепления на Эльбе.

Фридрих Великий пустил по этому поводу меткий афоризм. К исходу кампании 1758 года он признает,*) что атаковать врага, предварительно не обеспечив себе превосходства в области огневого боя, значит уподобляться толпе, намеревающейся выйти с дубинами против вооруженной войсковой части, и что необходимо воспринять австрийскую систему многочисленной артиллерии, несмотря на связанные с ней неудобства, и, наконец, что нужно учиться у врага искусству умелого использования местности. «Лучшая в мире пехота», — говорит он—«может придти в расстройство; на отдельных участках ей приходится одновременно иметь дело с неблагоприятными условиями местности, бороться с врагом и отвечать на его огонь. Что же касается нашей истрепавшейся после ряда поражений и бед пехоты, то ее следует лишь очень бережно с большим разбором употреблять в разного рода рискованных операциях. Необходимо при ее использовании сообразоваться с ее внутренней ценностью».

После Семилетней войны король еще ярче выразил в военной части Политического Завещания 1768 г. свой взгляд на этот вопрос: «Война против австрийцев неминуемо сведется к борьбе за укрепленные позиции». И затем: «Если бы мне приш-

*) Betrachtungen über die Taktik *usw.*

лось вести войну, я бы разбил свой лагерь лишь на сильной позиции, чтобы ничто не могло принудить меня к бою против моей воли». В одном отрывке от 1777 года говорится: «Победы некогда зависели от храбрости и силы войск, ныне артиллерия решает все; и искусство генерала состоит в том, чтобы подойти со своими войсками к противнику, стараясь насколько возможно уберечь их от действия артиллерийского огня».

Из приведенных отрывков можно вывести заключение, что, несмотря на все различие экономического и государственно-правового базиса — ведение войны в столь отличные друг от друга эпохи, — как эпоха мировой войны и эпоха Фридриха Великого—являет примеры весьма сходных по существу явлений, хотя и носивших другую оболочку.

Из слов Фридриха, во всяком случае, можно заключить, что он во все продолжение Семилетней войны и после нее усиленно бьется с пером в руке над приведением в ясность важнейших вопросов военного искусства. Мы же должны признать за благо применять к каждому новому изобретению в области войны опыт прежних войн, если мы только захотим предохранить себя от односторонности. Поэтому нельзя раз навсегда считать за решение, что и в будущем позиционная война будет таким же господствующим явлением, как и в последней войне. Так же и король Фридрих говорит о «Postenkriege» (позиционной войне) против австрийцев, крайне искусных в выборе хороших позиций. Что даже в позднейшие годы он придавал решающее значение действиям в открытом поле, можно видеть из того факта, что даже в своих планах войны за Баварское наследство — как ни пассивна была эта военная демонстрация, в действительности, (а другого названия эта война не заслуживает) — в своих планах этой войны он возлагает все свои надежды на «guten Bataille» в Моравии.

Мы должны стараться в будущем сохранить за войной маневренный характер, тем более, что мы этой последней обязаны всеми успехами в мировой войне. Конечно несомненно, что будущая война будет носить в себе многие черты войны позиционной, а, кроме того, вследствие необходимости возить при армии современные многочисленные наступательные боевые средства, и затем приводить их в действие, война будет развиваться в сильно-замедленном темпе. Ход, принятый военными операциями в Восточной Пруссии и Литве, германско-австро-

венгерское наступление в Галиции и Польше летом 1915 года, военные действия в Сербии, Трансильвании и Румынии могут, в общих чертах, дать приблизительную картину этого; быстрое развитие военных действий, имевшее тут место, являет блестящее доказательство того, что твердая воля вождя, как и высокие боевые качества войск, могут побороть те затруднения, кои стоят перед современным войском, вследствие необходимости возить при себе целый арсенал вспомогательных боевых средств. Маневренная же война вполне соответствовала характеру нашего военного воспитания: в ней мы превосходили все неприятельские армии. Этот вид войны всегда носит характер решающий; и в будущем войне, несомненно, всегда будет присущ такой характер; в этом отношении ничего не меняют те долгие годы, которые мы провели в окопах.

Та жажда наступательных действий, которая присуща нашему войску, должна нами всемерно поддерживаться. Она сыграла в этой войне крупную роль, особенно ярко проявившись в Восточной Галиции в 1917 году и в оборонительных боях в Северной Франции и Фландрии. Тем не менее, не нужно упускать из виду, что принцип наступления во что бы то ни стало, применявшийся нами в начале даже в случаях, когда рациональнее было бы перейти к обороне,—что этот принцип стоил нам тяжелых жертв. Война показала, что повторявшееся в мирное время положение, что лопата есть могила наступательных действий, не соответствует истине.

Тут уместно будет напомнить о весьма популярном в прусской армии до Иены, афоризме, который принес ей столько вреда: «Военные действия огнем—удел бездельников». И к области военной применимы слова Гете: «Там, где нам не хватает людей, мы заменяем их словами». Афоризмы, обыкновенно, оказывают самое вредное влияние, в особенности там, где дело идет о крови наших братьев и сыновей. Мы видели, что не один король Фридрих рекомендовал пользование укрепленными позициями, но и Наполеон, этот представитель неуклонного наступления, в 1806 году велит передать своим инженерным офицерам, что в предстоящем походе против Пруссии он предполагает перекопать очень много земли, а Мольтке пишет: *)

---

*) Taktisch-Strategische Aufsatzn. Bemerkunge über den Einfluss der verbesserten Feuerwaffen.

«Наступление никогда не носит исключительно тактического характера. Искусному военному управлению во многих случаях удается занять оборонительные позиции, представляющие для врага такую угрозу в стратегическом отношении, что противник вынужден таковые атаковать. Стратегическое наступление вполне уживается с тактической обороной». А ведь Начальник Генерального Штаба прусской армии высказывал эти мысли еще в 1865 году: «Он принадлежал к того рода великим, редко встречающимся людям, для коих проникновенное теоретическое изучение вопроса почти делает не нужной практику». *)

Поэтому Кенигрец, Мец и Седан не повлияли существенно на его взгляды. В 1874 году он говорит: **) «По моему убеждению, усовершенствование огнестрельного оружия дало больше преимущества тактической обороне в ущерб тактическим наступательным действиям (все это, в местном, тактическом масштабе). Правда, в кампании 1870 года мы действовали исключительно наступательно, причем нами были взяты штурмом важнейшие неприятельские позиции,—но каких жертв это нам стоило. Лишь в том случае, когда наступательные действия непосредственно следуют за рядом отбитых неприятельских атак, действия эти протекают при более благоприятных для нападающего условиях».

Конечно, фельдмаршал не мог не знать, что такое стечение обстоятельств, как то, коим воспользовался Наполеон под Аустерлицем, лишь весьма редко имеет место на практике и не может быть намеренно вызвано. Он хотел лишь подчеркнуть, что тот, кто прибегает к обороне там, где таковая диктуется обстановкой, действует вполне согласно с заветами величайших полководцев прошедших времен.

Война, согласно известному изречению Клаузевица, есть продолжение политики при помощи других средств. Выше уже говорилось, что положение, создавшееся в области политики и мирового хозяйства привело к тому, что нам и нашим союзникам пришлось вести борьбу на два фронта при беспримерно-тяжелых и все возрастающих затруднениях. Этим обстоятельством нужно об'яснить совершенно своеобразный характер войны, как и то, почему, при всем крупном размахе предпринятых

*) Драгомиров.
**) Taktiche Aufgaben.

операций, приходилось крайне бережно относиться к находившимся в нашем распоряжении войскам. К высшему военному управлению вполне применимы слова, сказанные Клаузевицем по поводу образа действий Фридриха в 1760 году *): «Вся кампания, в ее целом, является примером величайшей деятельности и ловкости, сопряженных с сбережением сил». Вообще Семилетняя война представляет ряд аналогий с нынешней войной. Не нужно лишь забывать, что для Фридриха театром войны служила только Восточная и Средняя Германия, а ныне война раскинулась по всей Европе.

Как тогда прусские полки дерутся под Росбахом, а через месяц дают сражение под Лейтеном; так и ныне наши корпуса и дивизии появляются сначала на западе, потом на востоке, на Балканах—и наоборот. Как тогда Фридрих Великий, так и мы в Мировой войне действовали по внутренним операционным линиям. Это было для нас, как некогда для Фридриха, значительным преимуществом, хотя, конечно, не устранявшим всех отрицательных сторон общего положения. Если же нам удалось бы в будущем предотвратить повторение такой неблагоприятной кон'юнктуры в области политики, на что мы имеем основание надеяться, или если нам даже удалось бы просто развязать себе руки для одержания серьезных, решающих успехов на одном из боевых направлений,—тогда война приняла бы совсем другой оборот и она по характеру своему опять приблизилась бы к предыдущим войнам. Поэтому, следует сохранить, в общем и целом, ту теорию военного искусства, которая господствовала в германской армии до 1914 года. Необходимо лишь обновить ее положения на основе опыта последней войны,—что особенно необходимо в области техники,—но не разрушать до основания самых отправных пунктов оперативного и тактического мышления. Нам дано лишь вечно стремиться к совершенству—достигнуть же его мы не можем. Сам король Фридрих умел в этом признаться. В завещании от 1768 года он пишет: «Военное искусство требует от того, кто решил основательно с ним познакомиться, непрерывного изучения. Я далек от мысли льстить себя надеждой, что дошел до совершенства в этой области; я даже придерживаюсь в этом отношении мнения, что целой

*) Bl. X. Strategische Beleuchtung mehreren Feldzüge. Friedrich der Grosse.

человеческой жизни не хватит для этой цели; ведь я вырабатывал свои воззрения в кампаниях, на поле сражения, и все же остались целые области, с которыми мне никогда не пришлось столкнуться на практике, относительно которых мне не пришлось сделать ни одного наблюдения».

В наше время еще в гораздо меньшей степени, чем в эпоху Фридриха, можно ручаться за то, что новая кампания не произведет переворота в господствующих взглядах. Ведь эпоха Фридриха является эпохой, в которой царствовали застывавшие, мало-подвижные формы, в которой вооружение эволюционировало на нынешний масштаб крайне медленно. Наполеон как-то сказал, что свою тактику нужно изменять каждые десять лет, если хотят обеспечить себе превосходство над противником. Этому правилу мы следовали до войны. Вооружение наше находилось на высоте; наши военные уставы были совершенно обновлены и соответствовали новейшему опыту русско-японской войны. Уж из этого видно, что мировая война не могла произвести в этой области полного переворота.

В общем и целом, мы в области военного обучения стояли на совершенно правильном пути. Большая гибкость наших уставов облегчала нашим войскам применение к требованиям современного огневого боя. Благодаря тому обстоятельству, они нашли в себе силы вынести столь им несвойственную, непривычную позиционную войну. Далее, при штурме неприятельских как и при защите наших собственных позиций, мы в течение войны многократно полностью меняли принципы, сообразуясь с повадкой врага, силой и характером его огня. В частности нами, таким образом, был накоплен большой запас наблюдений; однако, основное же направление наших уставов ими по существу не затронуто.

Особенно хорошо было то, что они везде ставили дух выше формы, причем особое внимание ими обращалось на приспособляемость войск к обстановке. Это последнее свойство повело к тому, что дух нынешней войны и ее сущность, были гораздо раньше оценены в армии, чем в стране.

Правда, в течение длинного мира и в армии в некоторых отношениях сказывался известный консерватизм. Нововведения лишь медленно пробивали себе дорогу. Некоторые старались между строк уставов вычитать компромисс между старым, преходящим и новым, непреходящим. Они при этом проглядели,

что этот непреходящий элемент в дальнейшем также будет эволюционировать. То же можно сказать об опыте нынешней войны. Он также мало имеет права на непреложность по отношению к будущим войнам, как опыт прошлых войн в отношении нашей эпохи. Это уже потому, что развитие техники, как на земле, так и в воздухе не может остановиться. Прежде всего отдельный наблюдатель не должен упускать из вида, что его наблюдениям неизбежно будет присуща известная односторонность. Как ни перебрасываются наши войска с места на место, тем не менее не каждому офицеру приходится это испытать, а длительная позиционная война таит в себе опасность впасть в односторонность. К тому же не нужно забывать, что условия на востоке и западе коренным образом различались.

Консерватизм, боясь новизны, в столь крупном организме, каким является армия,—несмотря на все свои отрицательные стороны, имеет также и стороны положительные. Без известного консерватизма не обойтись; его назначение придавать плавность эволюции, предохранить ее от скачков. А что далеко не все старое подлежит отмене было выше показано; также было указано на те черты, какие сближают нашу эпоху с временами Мольтке, Наполеона, даже Фридриха Великого. Хотя, конечно, это сходство обнаруживается лишь если мы рассматриваем явления в их общих чертах. Даже тактика 1870/71 г.г. задолго до Мировой войны устарела, и отдельные случаи возвращения к ней в том виде, как они кое-где имели у нас место до войны, должны рассматриваться как отошедшие в область предания. Тем не менее, в известных границах, явления в области войны повторяются нередко, только всегда изменяется форма, причем остается лишь привести ее в правильное соответствие с современностью.

V. Армия в будущем.

Хотя мировая война вовсе не уничтожила до основания прежнего военного искусства, тем не менее, мы обязаны ей целым рядом выводов, коими нам придется руководиться при реорганизации нашего военного устройства и в способах подготовки к войне. В области организационной необходимо прежде всего усвоить себе, что нет организации одинаково пригодной ко всем видам войны, что дело идет лишь о создании наивозможно более гибкой и легко приспособляющейся организации. Стремление сохранить первоначальную военную организацию, чтобы обеспечить старшим начальникам влияние на их войска, не могло быть осуществлено во время войны; во всяком случае, этот принцип удалось применить к частям не крупнее дивизии. Эти последние были превращены в оперативную боевую единицу, причем получили соответственную организацию, армейский же корпус зачастую разростался в армейскую группу, в составе коей происходила постоянная смена дивизий, причем и самое число их не было определенной величиной. Вопрос о необходимости трехчленного деления высших войсковых соединений сразу отпал под воздействием поставленных войной требований. Это отнюдь не новое явление. Наполеон никогда не останавливался перед включением в состав своих армейских корпусов разного числа дивизий. Состав корпуса зависел то от условий обстановки, то от личности военачальника, то от количества находившихся в распоряжении низших боевых единиц.

Война выявила необходимость придания пехоте большего количества пулеметов, чем это было намечено в мирное время. В области обороны проявилось стремление—о чем уже говорилось выше—к сбережению живой силы посредством усиленного применения в боях на передовой линии всякого рода технических средств, пулеметов, минометов и при поддержке артиллерии.

Предназначенная к теснейшему сотрудничеству с пехотой полевая артиллерия нуждалась не столько в увеличении общего

числа батарей, как в увеличении процента гаубичных батарей. Напротив, обнаружилась необходимость значительного увеличения пешей артиллерии, сапер, минометных рот, телеграфных, железнодорожных и автомобильных войск, а также воздушных боевых сил.

Что касается кавалерии, то она в будущем не подлежит увеличению; ее нужно оставить в нынешнем ее составе, причем в будущей войне можно будет обойтись значительно меньшим числом резервной кавалерии, что даст возможность людей и лошадей употребить на другие цели. Хотя кавалерия в современной войне, принимая во внимание действие новейшего оружия и современные колоссальные армии, весьма ограничена в возможности разведки, во многом уступая воздушным аппаратам,—тем не менее, из факта длительной позиционнной войны, когда этот дорогой род оружия можно употреблять лишь в пешем строю, не нужно делать ложных выводов. Армейская кавалерия оказала нам значительные услуги:—на западе в начале войны, на востоке—(особенно в Литве) и при дальнейшем ее ходе, также при военных действиях против Румынии. Всюду, где война принимала маневренный характер, кавалерия вновь приобретала права гражданства. Она оказалась необходимой в ближней разведке, как дополнение воздушным военным силам, а также при охране войск на походе нам нужен подвижной, гибкий род войск. Конечно, при подготовке мирного времени не нужно забывать окопов, отводя при этом гораздо больше простора, чем прежде, бою в пешем строю.

Тактические учения, даже в крупном размере, могут лишь отчасти отразить явления мировой войны. В виду этого мы должны соответственно приспособить наши маневры к требованиям современного боя; и так как на плацах возведение окопов редко бывает возможным, то следует применять окапывание на маневрах, если только создавшаяся в ходе военных операций обстановка этого потребует и если это возможно без особого вреда для посевов. Вообще же говоря, в будущем при обучении войск в крупном масштабе, конечно, невозможно будет базироваться на положениях, действительно возникавших в течение войны. Мы не можем в крупном масштабе дать картину позиционной войны при маневрах мирного времени. Нужно будет лишь чаще, чем до сих пор, разыгрывать на маневрах атаку полевых позиций. Однако, и эта операция, принимая во внимание сопряженные с нею расходы, должна будет, по необхо-

димости, ограничиться сравнительно скромными размерами. Таким образом, остается лишь упражнять в позиционной войне отдельные батальоны и роты, познакомив их со всеми ее характерными чертами. Для наших пограничных корпусов такого рода упражнения могли бы быть по большей части сопряжены с возведением новых укреплений. Этим самым выгадали бы на наемных рабочих. Для той же цели можно будет пользоваться и частями, расположенными внутри страны, временно перебрасывая их в пограничную зону. При всем этом, стараясь дать нашим войскам правильное представление о позиционной войне, мы ни в коем случае не должны отводить этой последней господствующего положения в деле военного обучения. Повторяя неоднократно уже сказанное выше, мы вновь утверждаем, что главное внимание при подготовке нужно обратить на войну маневренную, хотя и несколько иного типа, чем господствовавший до сих пор. Кроме того, необходимо при маневрах мирного времени дать проявиться тому замедленному темпу, в коем события неизбежно будут протекать на войне.

Конечно, при таком искусственном замедлении хода боя нужно остерегаться возможности подействовать расхолаживающим образом на дух войск и стеснить инициативу начальников. Уже в 1861 году Мольтке писал *): «Если хотят, чтобы маневры не вызывали ложных представлений, то не нужно упускать из виду влияния местности и расстояний. Весь бой примет более замедленный ход».

Эти написанные задолго до 1866 года слова прошли незамеченными. В одном изданном королем Вильгельмом после сражения при Гравелотте-С.-Прива приказе по армии говорится: «я обращаю внимание на то обстоятельство, что атака неприятельской позиции должна всегда быть предварительно достаточно подготовлена артиллерией и метким стрелковым огнем. Преклоняясь перед героическим порывом пехоты, коей до сих пор ни одна задача не казалась невыполнимой, я, тем не менее, буду в будущем ждать от интеллигентности офицеров, что посредством применения соответственных строев, они добьются тех же успехов с меньшими жертвами.

В начале последней войны многие бои приобрели бы гораздо более планомерный, спокойный и менее кровопролитный

*) Bemerkungen über den Einfluss verbesserten Feuerwaffen.

ход, чем, конечно, было бы значительно поднято значение достигнутых в них успехов. Что касается нашей пехоты, то нам остается лишь порадоваться, что к ней вполне применимы слова Клаузевица: «Счастливо то войско, где часто проявляется несвоевременная смелость; это—буйный побег, но показатель здоровой почвы» *).

Мы должны всеми силами стремиться к развитию наступательного порыва в пехоте. Пехота не должна ожидать всего от артиллерии, но не должна вести своего наступления таким образом, чтобы стеснять артиллерию в ее деятельности.

Поэтому в будущем, при маневрах, существенной задачей военного управления будет распространение в войсках правильных понятий о всей серьезности, продолжительности современного боя, о всех сопряженных с ним явлениях, особенно останавливаясь при этом на рассмотрении условий применения оружия. Взаимодействие пехоты и артиллерии должно быть безусловно поставлено на твердые основы. Этой цели должно служить обоюдное командирование офицеров одного рода оружия другим.

В общем и целом, мы должны заниматься больше тактикой в широком масштабе, чем стратегией. При полевых поездках и во время военной игры важно не столько заниматься оперативными идеями, сколько развивать правильное представление о простых тактических положениях и практиковаться в командовании. Крупные операции должны остаться уделом полевых поездок Генерального Штаба, в особенности Большого Генерального Штаба. Конечно, желательно и во всей массе офицерства развить правильные взгляды на большие операции. Здесь мировая война и доклады о ней представят богатое поле для поучения. Величайшая простота, которая требуется войной, должна царствовать и при постановке задач на учебных полях.

К совершенно необходимым, непреходящим основам воспитания нужно отнести традиционную нашу военную муштру. «Ее значение лежит в прививаемом при ее помощи представлении о необходимости слушаться начальника. Привычка к послушанию, как она складывается на военной службе, неизбежно к тому ведет». **)

---

*) Vom Kriege. III Buch. 6 Kapitel.

**) Reisner v. Lichtenstern. Die Macht der Vorstellung im Kriege.

Война в полной мере выявила все значение военной муштры. Нашей основательной системе строевого обучения обязаны мы царствовавшей среди наших солдат дисциплине, которая дала нам возможность при всей многочисленности участвовавших в деле масс, справляться с труднейшими задачами в области наступления и обороны. Та же муштра вела к тому, что германский солдат ни перед чем не отступал. Лучшее этому подтверждение можно найти в признании этого факта самими нашими врагами.

По поводу осенней битвы 1915 года в Шампани генерал Cherfils пишет *): «Французский солдат крайне легко ускользает из под руководства своего начальника. Каждый идет куда хочет. Так имели место случаи, когда наша пехота в одно мгновение теряла пространство, завоеванное длительными усилиями, причем оставляла на нем половину своего состава. Немец же—настоящий солдат. Дисциплина вошла к нему в плоть и кровь. В этом его главная сила». «France militaire» **) пишет по поводу франко-английского наступления на Сомме в июле 1916 года: «О крепкой спаянности всей германской армии можно судить по тому обстоятельству, что германское военное командование оказалось в состоянии, оторвав до 20 батальонов от, по крайней мере, 10 разных дивизий, бросить эти импровизированные войсковые об'единения навстречу англо-французскому наступлению. А эти войска были стянуты со всех частей фронта. Конечно, это было сделано лишь в силу необходимости. Немцы, разумеется, не прибегли бы к этому средству, если бы не были к тому принуждены обстоятельствами; и мы также должны стремиться, по возможности не попадать в такое положение, памятуя, что сохранение военной организации в неприкосновенности есть одно из условий успеха. Тем не менее такого рода факты говорят о крепкой спаянности войск и о великолепно налаженной связи между отдельными штабами, что и позволило немцам произвести подобную перегруппировку в столь обширных размерах и в столь короткое время».

Противникам более долгой и действительной службы и соответственной подготовки мирного времени представляется тут поле для размышления: «Милиционная армия с кратким периодом военной подготовки может совершить героические под-

*) Echo de Paris. 23 Nowember 1915.

**) 16 Июля 1916 г.

виги, внутри отдельных полков может господствовать большая сплоченность, но эта милиция потеряет всякую боеспособность, если обстоятельства принудят к расформированию высших об'единений и к смешению отдельных войсковых частей. Лишь там, где однородность воспитания распространила свое действие сверху до низу и где есть на лицо основательная военная подготовка можно решиться на такие рискованные операции».

При многочисленных новых формированиях, необходимость коих вызывалась колоссальным расширением нашей армии во время войны, по возможности, обращалось внимание на придание новым войсковым частям, той сплоченности, которая была присуща старым войсковым об'единениям. При формировании в августе 1914 года новых резервных корпусов по необходимости пришлось от этого приема отказаться. При их обучении мы располагали совершенно недостаточным сроком, чтобы сделать из них действительно боеспособные части. Служебный опыт офицеров, среди коих было лишь очень ограниченное количество кадровых офицеров, оказывался недостаточным, несмотря на все их неутомимое рвение; далеко не на высоте положения находилась их физическая выносливость. То же можно сказать и о большинстве молодых добровольцев. Это был по существу превосходнейший элемент, полный горячего патриотического пыла. Тем не менее, это обстоятельство не могло заменить отсутствия военной подготовки и того физического закала, который приобретается лишь постепенно основательным обучением. Эти молодые войска под Иперном оказались, как и ожидалось, не на высоте тех суровых требований, кои представляются современными условиями боя. Лишь в ходе войны, после повторного освежения их офицерского состава, они смогли сравняться со старыми корпусами. Совершенно ту же картину явил нам прусский ландвер 1813 года. Он оказался не на высоте вначале под Гольдбергом, под Кульмом, но при преследовании противника после сражения у Мекерном он уже превратился в вполне боеспособное войско, хотя и сильно уменьшился в числе.

Даже сам творец ландвера, Шарнгорст, вначале вовсе не предполагал возможности использовать его в первой линии. Лишь необходимость подвинула его на включение ландвера в состав полевых войск, как та же необходимость вынудила германское военное управление в 1914 году ввести в бой еще неготовые войска на правом фланге западного фронта. Пыл рефор-

маторов после поражений 1806 года, несомненно послужил к распространению преувеличенных представлений о разнице между старым и новым в Прусской армии. Шарнгорст и его единомышленники часто вполне сознательно били выше цели лишь для того, чтобы достигнуть намеченного, ибо дело шло о преодолении массы предразсудков, опиравшихся на чисто внешнюю сторону традиций эпохи Фридриха и не понимавших истинной сущности этих традиций. Так что по существу та армия, которой мы обязаны освобождением в 1813 году, была все та же старая прусская армия, но только исполненная совершенно новым духом. Это все тот же офицерский корпус, столь порицавшийся, это те же самые «Junker» 1806 года,—это они вели нас к победе, причем лучшие части этой армии состояли из старых солдат. В их превосходнейших кадрах лежит разгадка выдающихся удачных действий в 1813 году. То же произошло и сто лет спустя. Дело освобождения нашего отечества, также как и оборона, в мировой войне могло вестись успешно лишь благодаря тому обстоятельству, что в наличии было достаточное количество испытанных офицеров и старо-служивых солдат; солдаты кадровых и резервных полков 1813 года в большинстве своем также принадлежали к людям прежде служившим в старой армии.

Значение введенной Шарнгорстом «Krümpersystem» до сих пор слишком преувеличивали. Эту систему ни в коем случае нельзя изображать как удавшийся опыт применения системы краткосрочной военной службы в большом размере. Как известно сущность этой системы сводилась к непрерывным увольнениям известной части людей в полковые округа и к замене их новыми рекрутами, благодаря чему создавался готовый резерв на случай войны. Тем не менее, эта система в короткий промежуток времени между 1808 и 1812 г.г.—чему еще помешала мобилизация половины постоянной армии для выставленного против России в 1812 году вспомогательного корпуса—не могла создать тех крупных войсковых резервов, кои дали возможность в 1813 году не только пополнить постоянную армию, но и создать 52 резервных батальона, позднее во время перемирия сведенных в полки. Ибо этот внушительный резерв, коим располагала страна, в значительно большей половине своей состоял из солдат, получивших военную подготовку еще в старой армии, где царствовала суровая дисциплина.

К каждой импровизированной армии применимы слова Camille Roussets *), относившиеся к Наполеоновским вновь сформированным частям 1813 года: «Если в сражении при Кацбахе участвовали бы крепкие люди, прошедшие солдатскую службу, то Макдональд сражения этого не потерял бы или, во всяком случае, сохранил бы возможность восстановить положение; при находившихся же в его распоряжении очень юных бойцах, только что ставших под ружье, эта битва послужила началом общей катастрофы. Никогда, как в данном случае, не проявилась ясней душевная и моральная энергия, физическая и духовная стойкость при непогоде, голоде и жажде, при всех бедствиях войны, одним словом, все то, на что способен тот героический стоицизм, который сам есть ничто иное, как повышенная восприимчивость к требованиям чести и долга».

Американская гражданская война 60-х годов прошлого века не продолжалась бы 4 года, если бы союз имел в своем распоряжении боеспособную армию для подавления южных штатов. Его милиция и добровольческие части оказались не на высоте положения. Лишь впоследствии из них выработались годные к употреблению полевые войска.

Создание лордом Китченером сильной английской армии в последнюю мировую войну несомненно представляет громадное достижение. Он развернул существовавшие до войны 6 регулярных дивизий в 12, а 14 весьма недостаточно—организованных территориальных дивизий превратил в 28. Удвоив, таким образом, состав прежней британской армии, он еще присовокупил к ним 30, так называемых «Китченеровских» дивизий. Эти новые формирования до своего появления на театре войны прошли через длительную военную подготовку сначала на родине, а затем позади фронта во Франции, чему давалась возможность благодаря длительной позиционной войне. Они затем вливались в ряды действующей армии лишь постепенно. Не ранее весны 1916 года англичане были в состоянии заменить французов на более значительных участках фронта. Затем, усилившись во Франции, они к началу 1917 года еще распространились к югу. Многочисленная английская армия мировой войны, хотя и представляет собой новое формирование, тем не менее, далеко не походит на рыхлую импровизацию. Опыт мировой истории от-

*) La grande armée de 1813. Paris 1871.

носительно импровизированных армий был в этом творении Китченера полностью учтен. Сторонники уменьшения того срока службы, который существовал у нас до войны, так же мало могут ссылаться на пример Китченеровских дивизий, как и на наши собственные новые формирования эпохи войны или на примеры прежних эпох. Кроме того, не нужно забывать, что Китченеровские дивизии были подготовлены исключительно к участию в весьма несложной позиционной войне. К войне маневренной эта армия совершенно не была пригодна. Пленные английские офицеры сами это подтвердили. Старшим начальникам для этого недоставало того умения разбираться в обстановке, которое дается лишь долголетним упражнением, с намерением посвятить этому делу всю свою жизнь. Наполеон не без основания сказал: «С молодой армией можно взять штурмом укрепленную позицию, но нельзя победоносно закончить кампанию».

Готовность Германии к войне была поставлена на значительно большую высоту после принятия последних крупных военных законопроэктов и после выполнения военно-морской судостроительной программы. И все же мы были вынуждены прибегнуть к новым формированиям в значительно более крупных масштабах, расширив при этом до небывалых размеров нашу промышленность, вырабатывающую предметы военного снаряжения. Предоставление 1 миллиарда денежных средств на дело национальной обороны уже не кажется нам, при сопоставлении с военными расходами, той неизмеримой жертвой, относительно которой сомневались, можно ли будет получить ее от немецкого народа. Война показала нам с одной стороны—всю финансовую мощь Германии, а с другой—обнаружила, на сколько сторицей вознаградились те ассигнования на армию, которые своевременно сделаны. Мы не только сберегли бы многие миллиарды военных расходов, но значительно ограничили бы понесенные нами людские жертвы, если бы только своевременно взялись за ум. Параллельно необходимым ассигновкам на флот, нужно было бы значительно расширить кредиты на сухопутную армию, принимая во внимание наше центральное географическое положение. Те требования кредитных ассигнований на военные нужды, которые вносились в Рейхстаг, составляли крайний минимум желательного,—что подтвердилось на опыте мировой войны.

Конечно, не должно упускать из виду, что Военным Ведомствам выставлялись разные возражения; конечно, задним

числом, легко критиковать недостаточность нашего вооружения, оказавшегося не отвечающим всем требованиям, предъявляемым войной, раскинувшейся на громадном протяжении и принявшей столь затяжной характер, какого никто не мог предвидеть. Как бы то ни было, но на лицо факт, из которого для будущего вытекает необходимость добиться того, чтобы, несмотря на многообразие препятствий и на противоречие между нашими требованиями и истинными военными потребностями страны-чтобы это противоречие ни в коем случае не повторилось в тех же размерах. Перед войной мы путем нашего последняго военного закона встали на путь законодательного регулирования воинской повинности, придав ей—путем призыва на военную службу целых категорий пригодных к службе, но фактически не служивших граждан, тот характер общеобязательности, который, по мере роста населения, грозил совершенно утратиться; то же явление можно было наблюдать в Пруссии перед армейской реформой 1859 года. В этом направлении мы должны будем пойти и дальше. Особенно, если мы примем во внимание необходимость расширения кадров пешей артиллерии и технических войск. Затем, позднее, если в будущих войнах число бойцов обнаружит тенденцию к уменьшению, перед нами встанет задача организации хотя бы элементарной военной подготовки лиц, получивших отсрочку, с тем, чтобы в случае войны они составили источник пополнения. Лишь таким путем придем мы к истинно-народному войску, в котором каждый прошел действительную службу в рядах постоянной армии.

Что касается призванных, то об уменьшении срока службы не может быть и речи, под опасением того крайне вредного влияния, которое такая мера оказала бы на крепость всего войскового организма; временные отпуска на втором или третьем году службы должны, во всяком случае, приниматься в соображение. Одной из важнейших задач наших юношеских организаций будет подготовка своих членов к отбыванию воинской повинности, в больших размерах, чем это происходило до сих пор. Да и вообще эти организации молодежи должны сыграть крупную роль, укрепляя физически нашу молодежь; современный бой как раз в высшей степени требует спортивных навыков, ловкости и технической сноровки. Поэтому организации молодежи представляют отличную подготовительную школу для армии. Тем не менее, вполне заменить военную службу они не в состоянии.

Относительно сокращений и упрощений в нашем нынешнем пехотном уставе можно быть разного мнения. Война в этом отношении кое-чему учит. Учебная муштра, как таковая, идет лишь там во вред боевому обучению и служит препятствием к военной подготовке, где она принимает преувеличенные размеры, выходя в учебном формализме за пределы уставов. Где этого нет, муштра, как несомненно установила эта война, идет на пользу боевой подготовки. В применении этой стороны воспитания необходимо, однако, сообразоваться с обстановкой в отношении той степени повиновения, которого требуешь от людей. Так многое из того, что нужно знать пехотинцу в стрелковом бою, может быть привито ему его привычкой к дисциплине. Мы находим в уставе 1906 года следующее указание на цель одиночного воспитания стрелка: «солдат должен быть воспитан, таким образом, чтобы из него выработался самостоятельно думающий и соответственно действующий стрелок», ибо не может быть сомнения, в том, что подготовка к бою должна всегда быть на первом плане, какое бы большое значение ни придавать строевой подготовке. Эта последняя приучает войска проявлять наибольшее рвение, так чтобы они впоследствии делали это и перед лицом опасности. Она помогает военным выглядеть «самонадеянно и благородно», как того требует принц Фридрих Карл.

Решающее значение имеет об'ем производства этих строевых учений. При этом нужно помнить, что эти последние нужно рассматривать не как самоцель, а лишь как средство к цели. Конечно, никогда нельзя будет избежать того, чтобы при случае отдельные педанты в этом отношении не уклонялись в сторону от правильного пути. Дело высших начальников наблюдать, чтобы такие господа не действовали в ущерб самой цели воспитания. Их делом будет воспрепятствовать тому, чтобы «die mechanischen Köpfe triumphieren», по выражению Шарнгорста, и не забывать, что успех на войне остается за тем, кто своевременно умеет порвать с рутиной.

Также и в нашем бережном отношении к традиции не должны мы переходить известные пределы. Тупое пристрастие к ней вместо живого стремления вперед есть нездоровое явление. Великая, гордая традиция, живущая в войсковом организме, фактор чрезвычайно положительный, совершенно незаменимый, о котором, однако, нужно помнить, что поддерживать традицию

нужно не ради ее самой, а ради той спайки, которую она придает армии.

Годы усталости, которые шли за великой военной эпохой начала 19-го века, не давали простора для пробуждения в прусской армии воинственного духа, для направления ее воспитания в духе требований войны. При том весьма скоро обнаружились ясно выраженные черты парадной тактики. Это обычное явление после затяжных войн; оно вполне поддается об'яснению. Тем более надлежит нам быть настороже против ее возможного возвращения. Желание Фридриха Великого восстановить расшатанную семилетней войной «admirabl Disziplin» своих войск привело его к снисходительному отношению к тому ряду крайностей, которые имели место в армии, как следствие повального увлечения муштрой. И, если собственное его мышление всегда оставалось истинно военным, всегда было направлено на высшие стороны солдатской профессии, то генералы его за то все более и более погружались в парадные строевые мелочи. Протекавшая в бездеятельности война за Баварское наследство не внесла освежающего элемента в педантизм муштры мирного времени.

Увлечение парадной тактикой, которое вновь воцарилось в течение первых десятилетий после освободительной войны, начало оживать в прусской армии еще в течении войны, причем сначала проявилось в гвардии. Товарищество по оружию с русскими послужило сильным побудительным толчком к воцарению у нас парадной дрессировки, как будто она не есть лишь средство к цели, преследуемой военным воспитанием,—а самоцель; это содружество с русскими привело вообще к выдвиганию на первый план мелочей. Маневры под Берлином были при Фридрихе Вильгеме III простыми театральными представлениями, они сводились в большинстве к игре в солдатики. Император Александр и его братья находили несказанное удовольствие в парадной службе, так что при оживленных родственных и дружественных сношениях между Берлинским и Петербургским дворами—соответствующие наклонности передались в Пруссию.

Принявшая в царствование Императора Павла утрированные формы военная муштра, пытавшаяся подражать прусским образцам, от коих была воспринята лишь чисто внешняя сторона, без понимания их сущности,—эта муштра в усвоенных ею безобразных формах вновь появляется в Пруссии. Так, в то

время, как согласно правилам Шарнгорста об общих маневрах, всякого рода расписание хода маневров считаются несоответственными—после великой военной эпохи на сцене появляются парадные маневры с точно-указанными вперед моментами. Краткий Устав 1812 года казался людям нового направления слишком простым для мирного времени. Принявший выдающееся участие в работах по составлению устава генерал Краузенек, будущий начальник Генерального Штаба армии, приняв в 1821 г. команду над пехотной дивизией столкнулся с целым рядом дополнительных узаконений, против коих он счел своим долгом поднять свой голос; он пишет: *) «Что с течением времени, по мере возрастания накопленного опыта в военном деле будут происходить изменения, будут иметь место упрощения—факт, никогда не вызывавший сомнения, но все были далеки от мысли что устав, при составлении коего руководствовались прежде всего соображениями краткости и удобопонятности, что об этом уставе после победоносной войны будут отзываться как о недостаточно полном, недостаточно ясном. Это не только бесполезно, это прямо вредно расщеплять каждую статью до безконечности, стараясь добиться неосуществимой однородности, проявляя при этом боязливость, граничащуюся с педанством. Если бы эту однородность ценою тяжелых усилий и можно было бы осуществить, то «игра, во всяком случае не стоит свеч».

Генерал считал совпадение в мелочах скорее за отрицательное явление и подчеркивал, что предоставление наивозможно более широкого простора в выборе средств при достижении постановленной цели есть фактор животворящий, пробуждающий инициативу.

К счастью, дело не должно было зайти так далеко, чтобы в прусской армии опять «механические головы вновь восторжествовали», чего некогда опасался Шанргорст.

Положение после 1806 года все же коренным образом изменилось. Принцип всеобщей воинской повинности стал пред'являть к офицеру ряд требований военно-педагогического характера, от коих офицер старой армии был свободен, Так что и без нового боевого опыта прусская армия благополучно преодолела зарождавшееся в ее недрах вредное направление.

*) Malachowski. Scharfe Taktik und Revuetaktik. Berlin 1902.

Крупная заслуга в этом отношении принадлежит принцу прусскому. Прорицательным инстинктом военного человека почуял он ту крайнюю грань, за пределы коей не следовало переступать в области строевой подготовки, почуял в момент полного господства плацпарадных веяний в области военного воспитания. В заметках, относящихся к 1840 году, *) принц устанавливает такие принципы, которые могут еще сегодня претендовать на права гражданства. Так мы читаем: «Учебный плац, по моему мнению, существует лишь в целях приучения к порядку, который играет весьма важную роль: есть он на лицо в какой нибудь воинской части и с этими войсками можно сделать все и нельзя ничего сделать без него». Церемониальный марш с подготовительными к нему упражнениями принц признает необходимым. «Если только», говорит он, «не хотят вместо войск иметь дикую орду». Этим самым параду отводится то подобающее ему место, которое он по праву еще сегодня занимает у нас. Парад же предполагает чрезвычайно тщательную строевую подготовку.

По этому поводу говорится в заметках принца о ружейных приемах: «Однообразие должно все таки существовать. Почему позволять одному делать вещь хорошо, другому плохо. Нужно прежде всего отдать себе отчет в том, хочешь ли иметь в своем распоряжении выдресированные войска или сборище неотесанных людей», Дальше говорится о том, что и в общежитии под пренебрежительным названием муштры признают солдатскую выправку, в противоположность мужицкой мешковатости. Непоколебимая уверенность будущего императора в боеспособности армии нигде не проявляется с такой силой, как в прекрасных словах, что не нужно сомневаться в существовании живого духа в армии лишь по той причине, что на ряду с ним в армии уживается и парадная внешность. Те, кто имея дело с войсками в продолжении последних 20 лет, единогласно должны признать, что дух и воля их выше всякой похвалы и, что «Esprit de corps» существует в такой степени, как никогда прежде.

И, конечно, не простое пристрастие к традиции, не одна лишь рутина заставляли германское войско цепляться за эту

---

*) Militäriche Schriften Kaiser Wilhelms des Grossen I № 336 ff Bemerkung zu einer Denkschrift Bovens.

парадную внешность. Нет, в этом отношении действовало исторически обоснованное сознание, что малейшее упущение в этой области представляет серьезную опасность. На такого рода опасность указывает эрцгерцог Альбрехт Австрийский в 1869 г., приведя в пример старания части прессы подкапывать наши устои, высмеивая неизбежную в каждой армии дисциплину и формы служебных отношений. В прусской армии с пятидесятых годов прошлого века начали сказываться плоды благотворной деятельности принца Фридриха Карла. Влияние ее было тем сильнее, что здесь руководил движением принц из королевского дома, поставивший себе целью реформу воспитания и обучения солдата в смысле придания им характера непосредственной подготовки к войне. Принц повел успешную борьбу против одностороннего увлечения парадами и тонкостями строевой подготовки, причем он, однако, подчеркивал, что строгая выправка вполне гармонирует с нашим национальным характером и традициями, служа хорошим средством для внедрения дисциплины.

«Фактором решающим является наличие воинственного духа», пишет принц в 1858 году, «а не тактическая форма. Эта последная должна отвечать условию эластичности, она должна давать полный простор во всех отношениях. Каждой эпохе присущи свои своеобразные формы, находящиеся в зависимости от военного духа в каждом отдельном солдате; тем несокрушимее будут они в своей совокупности, тем менее будет сказываться влияние формы». Какого высокого мнения был Фридрих Карл о взаимоотношениях между начальниками и войсками видно из написанного им в 1860 г. Там мы читаем; «Генерал является любимым и уважаемым высоким начальником, а не распекающим и налагающим взыскания надзирателем: когда он говорит, что должно случаться очень редко—все сердца бьются сильнее. Он должен уметь играть на лучших, наиболее чутких струнах человеческой души. Он тем более ласково и по товарищески обходится с подчиненным, чем далее от него отстоит по чину. Даже для простого солдата у него всегда находится приветливое слово, ободряющий привет, хотя они на службе его видят редко, как бы случайно. Когда он проезжает мимо них, близость его их радует и наполняет гордостью. Он сделал их и их офицеров восприимчивыми к тому импульсу. который в день битвы им придает его присутствие, его взгляд,

его слово, его жест; силы их тогда утроятся. Если в своем воодушевлении они тогда скажут ему.: «Где прикажешь нам умереть»,—тогда и только тогда можно будет сказать что он сумел подготовить их во время мира».

Что у нас сумели это сделать в том направлении, какого желал принц, о том свидетельствует мировая война, ибо с большим жертвенным пылом, с большим благородством нельзя было задавать тот вопрос, который принц желал слышать из уст бойцов.

У нас много говорилось о том траншейном духе, который проявился в чувстве товарищества между офицерами и солдатами. При этом проглядели. что эти основанные на постоянной заботе о подчиненном товарищеские отношения, существовали еще до войны. Они проявлялись лишь в другой форме. Действительно, для офицера должно представлять большую разницу имеет ли он дело с молодыми контингентами, которых нужно еще обучить, или с обученными, более пожилыми людьми, которых он должен вести против врагов. Совершенно естественно, что перед лицом смерти между начальником и подчиненным воцаряется большее равенство. Итак, офицер и в траншее в полной мере сохраняет свой авторитет над своими людьми. Недостаток офицеров с необыкновенной силой сказался после первых тяжелых потерь осенью в 1914 году, причем даже храбрые в нормальных условиях люди терялись в тех случаях, когда под вражескими пулями гибли их начальники. Хорошие отношения между офицером и солдатом сохранятся и должны сохраниться в послевоенное время, однако не в ущерб авторитету начальника.

Нашей молодежи, даже той, которая, едва вышедши во время войны из под родительской опеки, скоро заслужила отличия, весьма полезно будет пройти через строгую систему военного обучения.

Офицер должен принадлежать к тому разряду людей, которым свойственно властвование (Herrenrasse) и коих решающее влияние на других чувствуется даже тогда, когда в данный момент его не видят и не слышат. *) Правда, если в свое время фельдмаршал граф Шверинг указывает на страх и любовь, как на те два средства, коими можно подчинить себе солдата,

*) Reisner v. Lichtenstern, Schiessausbildung und Feuer der Jnfanterie im Gefecht. Berefin 1855 г.

причем присовокуплял, что, к несчастью, чаще приходится пользоваться страхом—то для нашего времени дело стоит несомненно как раз обратно, чему подтверждением может служить хотя бы Фридрих Карл, не желавший и слышать о распекающем и карающем надзирателе. Без привязанности к личности начальника, предполагая при этом благотворное влияние известной с его стороны строгости, без любви к делу, результаты достигаемые солдатским воспитанием будут лишь поверхностными. Мировая война показала какое большое значение имело привлечение к совместной работе лучших людей, при сохранении целиком всей системы нашей традиционной дисциплины.

Поэтому совершенно ошибочно отдавать огульное предпочтение запасным из сельских округов перед запасными, выставляемыми промышленными округами и большими городами. Первые может быть, в физическом отношении действительно крепче и выносливее, однако, принимая во внимание те свойства, которые требуются от каждого бойца в современном бою, принявшем колоссальные размеры применении технических средств, мы должны признать за городским населением определенные преимущества в отношении большей подвижности и живости.

Если в этом отношении до войны в офицерском корпусе существовали предрассудки, то война нанесла им смертельный удар. Мы обязаны во всех наших людях признавать человеческую личность. Это повелительно диктуется нам современными социальными отношениями, так и теми подвигами в последней войне, в которой вся армия в ее целом приняла столь деятельное участие.

Война привела к почти полному слиянию кадрового офицерства с офицерством резервным. На воспитание резервного офицера и офицера ландвера в последнее десятилетие перед войной было обращено особенное внимание, с целью сделать его способным к разрешению тех серьезных задач, которые должны были встать перед ним в случае войны. Усилия, потраченные на этом поприще, были вознаграждены сторицей. Во все время войны, везде, где это разрешалось обстоятельствами, это воспитание продолжалось позади фронта на многочисленных учебных курсах, где главное внимание обращалось на соответствующее обучение молодых кандидатов в ротные командиры.

Если в этом отношении были достигнуты громадные успехи, то все же не нужно забывать, что, только опираясь на кадровый офицерский состав и под его руководством, резервные офицеры могли сослужить такую службу своему отечеству. Принявшая столь затяжной характер война все более и более отодвигала для них на второй план интересы их довоенной профессии. Они совершенно срослись с армией, сделались профессиональными солдатами, приобрели тот навык, которого им не хватало в мирное время, когда они занимались солдатским ремеслом лишь между прочим. Постепенно достигая в своей новой области большего умения, они вносили сюда всю ту интеллигентность и энергию, которые присущи немцу, работающему на ответственном посту любой гражданской профессии. Так что скоро они вовсе перестали отличаться от кадровых офицеров, разве в несении внутренней службы, и очутились в отношении своих людей в положении молодых кадровых офицеров, которым недостает достаточного служебного опыта, какой бы блестящий личный пример они не представляли своим подчиненным во время боя.

Нашими полками руководили штаб-офицеры по своему возрасту и служебному стажу гораздо более молодые, чем это требовалось для этих должностей до войны. Таких молодых командиров мы после войны не увидим. Это не пойдет во вред армии, ибо в мирное время к командиру полка предъявляются совсем другие требования в отношении воспитания офицерского корпуса и создания внутренней спайки среди подчиненных, чем во время войны. В мирное врема на этом посту нужен человек вполне сложившийся, личность вполне отстоявшаяся. С другой стороны война вызвала особенно напряженную деятельность именно со стороны офицеров, занимавших посты полковых и батальонных командиров, факт, долженствующий служить нам предостережением при оставлении на этих постах в мирное время лиц слишком старых (Uberalterung).

Далее обнаружилась польза и необходимость не только производить многих превосходных унтер-офицеров в офицерские чины, но и в значительной мере, против мирного времени, расширение того круга лиц, из которого пополнялся состав кадрового и резервного офицерства. При этом удалось разделаться со многими предрассудками. Во всяком случае, не должно быть упускаемо из виду, что мирное время, как бы мы ни старались

выдвигать в нем на первый план цели непосредственной подготовки к войне, все же пред'являет к офицеру такие требования, которые на войне отпадают и которые выбор пригодных к несению офицерского звания в мирное время с'уживают.

Со времени реформы Шарнгорста у нас придерживаются того принципа, что офицер должен превосходить своих людей в отношении воспитания и образования. Так как дело народного образования в течение последнего столетия существенно продвинулось вперед, то будет вполне последовательно пред'являть в этом отношении и к офицеру большие требования, чем прежде, в эпоху Освободительных войн. Однако, это образование, конечно, не должно заключаться в загромождении головы всякого рода научным материалом. Школьное образование должно создавать для молодежи прочную основу для накопления позднее жизненных знаний. Опыт показал, что спор о превосходстве гуманистического образования имеет для жизни весьма малое значение. Жизнь почти не делает различия между бывшими учениками различных учебных заведений и это потому, что человек начинает по настоящему учиться лишь по оставлении школы. Только тогда познает он внутреннюю причинность явлений. Однако, предпосылкой этого является заложенный в школьные годы научный фундамент, на коем ему предоставляется строить.

Война, послужившая пробным камнем для многих явлений, показала также нам всю ту разницу, какая существует между истинным образованием и простым заучиванием. Нельзя достаточно нарадоваться на тот здравый смысл, который обнаруживает солдат как перед лицом врага, так и в обыкновенном разговоре. Часто получаешь впечатление, что их незамысловатый ум сохранил больше свежести и непосредственности, чем то можно наблюдать в кругу, так называемых, образованных людей. Для каждого, кто умел подойти к своим людям это, впрочем, уже давно было истиной. Скудные познания людей с образованием народной школы и без полного гимназического образования, поскольку эти люди обладают интеллигенцией и стремлением к знанию—часто бывают наиболее цельные. Они при этом часто обнаруживают большую душевную глубину—источник их храбрости и стойкости в лишениях. Человек с академическим образованием, во всяком случае, не имеет ни малейшего основания смотреть на этих людей сверху вниз.

Во втором томе своей «Германская История 19-го столетия» Трейчке говорит об эпохе, следующей за Освободительными войнами: «гимназии в то время еще умели, избегая мертвящей многопредметности, возбуждать в своих учениках длительный интерес к классической древности и стремление к свободному от пут образованию. В то время почти не был известен страх перед экзаменами—болезнь современных университетов. Славившиеся в старину рассадники классической образованности, саксонские «Furstenschulen» и вюртембергские «Klosterchulen» (монастырские школы) отпускали учеников своих старших классов в университет, как только учителя находили это своевременным, а государство в это дело не вмешивалось». Конечно, с того времени как Трейчке писал вышеприведенные строки в 1882 году, весьма многое изменилось к лучшему в положении нашей высшей школы. Да и сам Трейчке признает, что система государственных экзаменов в том виде, как она была введена в Пруссии при Фридрихе Вильгельме I, хотя и носит механический характер, однако, отвечала своему назначению и вполне подходила к великой державе. В общем же этот великий поборник всего германского придерживается того мнения, что сдача экзаменов вовсе не есть необходимая принадлежность свободной науки. Что касается нашей армии, то мы должны и впредь добиваться того, чтобы наивозможно больший процент наших портупей-юнкеров и кадетов до выхода в полк выдерживали экзамен на аттестат зрелости, не превращая, однако, этого пожелания в обязательное требование по отношению к такой сугубо-практической профессии, как профессия офицера. По крайней мере, это нужно предоставить времени, тем более, что и без того высшие школы должны будут приступить к упрощению программ путем сокращения числа своих предметов. Уже одни соображения тех повышенных требований, которые мы должны будем пред'являть в отношении физического воспитания нашей молодежи, должны будут к этому повести. Это в равной мере относится к реальной гимназии к высшим реальным училищам, так и к классической гимназии. К первым это относится даже в большей степени, так как эти позднее возникшие учебные заведения, в своем соревновании с гимназией, упустили из виду, что они предназначены для подготовки людей практики, а не для теоретического образования.

Все это, повидимому, имеет мало отношения к войне, и, конечно, построить реформу всего нашего школьного дела на основе наблюдений, произведенных во время войны, значило бы впадать в узкую односторонность. Однако, никто не захочет отрицать, что мировая война должна побудить нас пересмотреть нашу национальную жизнь во всех направлениях, никто не станет отрицать, что война явится исходным пунктом для целого ряда новообразований. Воспитание нашей молодежи стоит в более или менее тесной связи с вопросами национальной обороны. К школьной же подготовке будущего офицера, должно подходить с другими требованиями, чем к подготовке молодого человека, намеревающегося посвятить себя научным изысканиям или исследованию проблем техники. Школа должна подготовить офицера не только к делу воспитания солдата и управления им, но, кроме того, развить в нем уверенность в себе, умение найтись в любом жизненном положении, в чем образованный человек так нуждается. Для дальнейшего воспитания офицера крупное значение имеет далее работа во всех областях, которые посредственно или непосредственно соприкасаются с профессией солдата, но на первом плане все же нужно поставить воспитание характера, воспитание благородномыслящих людей. Если при Наполеоне существовала поговорка, что каждый из его солдат носит в ранце маршалский жезл, то у нас в переносном смысле это можно сказать о каждом офицере. Он может и должен добиваться того «гармонического единения сил», которое Клаузевиц признает за отличительный признак военного гения. Такого рода гармоническое развитие способностей предохраняет от опасности механического мышления и односторонности, чем чревато наше время с его громадным преобладанием техники.

«Техника и внутренняя культура или даже человеческое счастье имеют мало общего. Человечество может посреди величайших технических достижений возратиться к состоянию полного варварства». Это, выставляемое профессором Вернером-Зомбартом—при всем его восхищении успехами техники—положение, к несчастью, в большей части подтвердилось на примере мировой войны. Офицер должен вполне понимать технику, не пренебрегая в то же время изучением человека. Знание человека—основное условие для успешного управления. Поэтому изучение истории,—в первую голову военной истории—весьма

ценно. Она неисчерпаемый источник для почерпания знаний, незаменимая утешительница в однообразии, неизбежно сопряженном со службой мирного времени, причем она открывает взору то великое, благородное, что содержится в солдатской профессии; дает, наконец, верное представление о значении морального элемента на войне, представление легко теряющееся в длительный период мира.

Фельдмаршал граф Шлиффен сожалел на закате своих дней, что не занимался военной историей раньше, до назначения своего начальником Генерального Штаба, так как в его распоряжении теперь весьма мало времени. «Попробуйте только презирать разум и знания» воскликнул он однажды, положив свою руку на лежавшую перед ним книгу, говоря о том, как многие люди считают возможным ограничиться своим собственным опытом. На празднике в честь столетняго юбилея военной академии им были произнесены достопамятные слова: «Перед каждым, намеревающимся сделаться полководцем, лежит книга, озаглавленная «Военная История»..... Чтение ее, признаюсь, не всегда дается без труда. Приходится разобраться в массе неудобоваримого материала, но через него добираешься до сути; она часто заставляет сердце биться сильнее. В самом же конце узнаешь, какой оборот события приняли, какой оборот они должны были бы принять и как они будут складываться в будущем».

Генеральный Штаб, воспитанный в школе этого человека, не посрамил его имени. Его подготовка вполне выдержала испытание войны. Не только офицеры Генерального Штаба оказались способными занять гораздо более высокие посты, чем те, к коим они по возрасту и служебному положению предназначались, но для замещения многих должностей по Генеральному Штабу пришлось прибегнуть к офицерам, которые до войны еще были в Военной Академии, или к таким, которые в течение войны занимали должности ад'ютантов при высших штабах. Многочисленные формирования новых войсковых единиц во время войны побуждали к тому. Если эти офицеры оказались на высоте, то это свидетельствует о равномерной, раскинувшей свое влияние далеко за пределы Генерального Штаба, духовной подготовке к войне. Наследство, оставленное фельдмаршалом Мольтке, в руках Шлиффена преуспело и умножилось. Преемник-же Шлиффена, генерал-полковник фон-Мольтке, помимо великих своих заслуг в области развития наших вооруженных сил, имеет еще

неоспоримую заслугу в деле подготовки Генерального Штаба к войне, каковую цель он ни на минуту не упускал из виду. Офицеры всех родов оружия показали себя способными не только к несению обязанностей фронтовой и штабной службы, они великолепно управлялись и в тылу и на родине, занимая административные должности, для которых не получали специальной подготовки. Здесь также рядом с кадровыми офицерами хорошо работали и офицеры запасные и резервные. Разгадка этого явления лежит в том, что всякое умение на войне по существу есть ничто иное, как применение здравого смысла.

Хотя мы, конечно, хорошо поработали во всех областях и это может служить нам удовлетворением, тем не менее, мы не должны почить на лаврах, думая, что нами достигнуть верх совершенства. Ибо и здесь придется много поработать над разработкой приобретенного опыта. Мы также не должны упускать из виду, что благодаря затяжному характеру войны, как и сопутствующим ей фактором более или менее длительного характера, все участники ее получили полную возможность богатой практики, что облегчило им детальное ознакомление со своими должностями. С другой же стороны выдвинулись во всем их многообразии те задачи, которые война может поставить перед офицером, и к разрешению которых он должен быть подготовлен насколько то позволяют условия мирного времени. Это предполагает соответствующее расширение и углубление его профессионального образования. Доступ в Военную Академию останется доступным лишь сравнительно ограниченному кругу лиц. Военные же школы, если даже, (что крайне желательно) удастся продлить срок обучения в некоторых из них, соответственным образом расширив программы, всегда будут давать лишь основу для дальнейшего образования офицера в его специальности. Это последнее до войны почти всецело было предоставлено личным усилиям отдельного офицера, а не каждый способен обходиться в этом отношении собственными силами, хотя бы в области изучения военной истории, которая в военной школе, по необходимости проходится лишь в общих чертах. Поэтому представляется уместным учредить военно-учебные курсы промежуточного типа между военным училищем и военной академией с приблизительно девяти-месячным курсом, посещение коих вменить всем старшим лейтенантам в обязанность. Уже одно то обстоятельство, что образование даваемое военной школой, было

в течение войны заменено краткосрочными учебными курсами, выдвигает этот проэкт, как крайне желательный, ибо может оказаться невозможным пропустить впоследствии через военную школу всех лиц, кои в течение войны были произведены в офицеры. Наиболее успешно окончивших курс в такого рода промежуточных школах следовало бы командировать в Военную Академию, для коей достаточно было бы в этом случае двухлетнего курса. Тем самым мы получили бы возможность преподать военно-академический курс увеличенному на целую треть числу избранных офицеров. В остальном пути Военная Академия продолжает оставаться рассадником офицеров Генерального Штаба, старших ад'ютантов и лиц, посвящающих себя военно-педагогической деятельности. Остальные офицеры, которым по окончании упомянутого девятимесячного курса предстояло бы возвращение в строй, приобрели бы все приемущества постепенного профессионального и общего образования. Для более успешного достижения последней цели желательно было бы расположить эти заведения в университетских городах с целью использовать их научные силы. Последняя мировая война происходившая столько же на фронте, как и в области мирового хозяйства, показала всю необходимость для офицера в такой степени освоиться с вопросами политики, государственного права и социальных условий, чтобы быть в состоянии выработать себе на этот счет определенные взгляды. Весь строй современной государственной жизни и без того побуждает офицера заняться этими вопросами, не превращаясь необходимо в политика.

Уже Фридрих Великий писал:*) «Я прежде всего предполалагаю, что генерал есть честный человек и хороший гражданин, без каковых качеств все его искусство и познание в военном деле послужит скорее ко вреду, чем к пользе». Этим король хочет сказать, что военные и государственные познания близко соприкасаются. Мы должны уже в молодом офицере пробудить интерес к взаимной зависимости разных общественных явлений, чтобы дать ему возможность раз'яснять попутно своим людям разные вопросы политической и экономической жизни. Хорошо написанные, коротенькие руководства принесут здесь большую пользу.

---

*) General-Prinzipen vom Kriege.

«Вечное прилежание», которое король Фридрих требовал от своих офицеров и которое требовалось от офицеров и у нас, должно после войны быть особенно напряженным. Воспитание духа посредством серьезных научных занятий является необходимостью не только для офицеров Генерального Штаба, но и для всякого желающего с пользой занимать более высокое место в армии. В теоретиках—доктринерах мы не нуждаемся, нам нужны научно развитые умы. Наполеон живо чувствовал недостаток таковых, и еще на Св. Елене ставил Австрийский Генеральный Штаб выше своего собственного. *) Поскольку теория не становится в опозицию духу, по выражению Клаузевица, она может приносить только пользу, ибо, в таком случае, это уже не теория, если понимать под этим термином то обычное представление, которое с ним связывается. Даже первоклассные военные гении, как Фридрих, Наполеон и Мольтке имели теоретическую подготовку, заключавшуюся, однако, лишь в развитых воспитанием духовных свойствах, углубленных жизненным и военным опытом. Во всяком случае, что касается армии, речь может идти не о насаждении чисто-теоретических знаний, а об умении применить знание на практике, ибо справедливо говорит Willisen: **) «От знания к осуществлению лишь один скачек, но все же от знания, а не от незнания».

---

*) Gourgaud. Ste Helene.

**) Theorie des grossen Krieges.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие 4

I. Положение центральных держав в области политики и мирового хозяйства 5

II. Психология войны народов и масс 13

III. Влияние техники 27

IV. Управление 37

V. Армия в будущем 55

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

Москва, Смоленский бульв., 53.

Склад изданий ВВРС—Арбат, Глазовский пер. 1.

НОВЫЕ КНИГИ:

Дж. Фуллер.

«Танки в великой войне 1914—1918 гг.»

Перев. с англ. под ред. В. Ф. Новицкого. 22½ п. л. с 12 рис. и 9 черт. в тексте, 9 план. сраж. и 1 карта.

Книга содержит историю возникновения танка, его постепенное развитие и его боевую работу на западном фронте мировой войны. Описание сражений, в которых танки принимали участие, говорят о солидной мощи этого нового боевого средства и намечают перспективы его крупного влияния на способы ведения войны будущего.

Ле-Энаф и А. Борнэк.

«Французские железные дороги и война».

с предисловием ген. Гаскуэна.— Перев. с французск. Серебренникова; 17 п. л. с 24 схемами.

Книга подробно освещает тяжелую и ответственную роль, которую выполнили французские ж. д. в мировой войне, и содержит массу ценных указаний по техническим и организационным вопросам, связанным с работой ж. д. в военное время.

А. Фрайс и К. Д. Вест.

«Химическая война».

Перев. с англ. М. Н. Соболева. 20⅐ п. л. с 121 рис. в тексте.

Один из ценных трудов зарубежной литературы по применению химических средств борьбы. Заключает в себе полные сведения о природе удушливых газов и по применению их в современной войне. Богато иллюстрирован фотограф. снимками, чертежами и таблицами. Особенный интерес труда представляет участие автора (Фрайс) в рядах американских войск в последнюю империалистическую войну.

Брухмюллер А.

„Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне".

Перев. под ред. А. Бурова с предислов. к русскому перев. Начарт. РККА Шейдемана. 155 стр. с 6-ю прилож. и 10-и схем.

Труд представляет большой интерес не только для артиллеристов, но и для каждого обще-войскового начальника. Автор в очень интересной форме излагает последовательную эволюцию артиллерийского дела в германской артиллерии в течение периода 1914—18 г.г., уделяя большое внимание взаимоотношениям обще-войсковых и артиллерийских начальников.

МОЗЕР ОТТО.

„Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—18 г."

Перев. А. И. Мялковского. 160 стр., 6 карт. на отд. листах. Цена 1 руб. 10 коп.

Труд охватывает все события мировой войны и является хорошим справочником при ее изучении с чисто военной точки зрения. Политическая сторона сочинения требует серьезного корректива, т. к. автор выявляет себя сторонником буржуазных взглядов на течение исторического процесса вообще и военно-политическую роль Германии в период мировой войны в особенности.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В ВВРС

При покупке не менее 10 экз. скидка 20%, при покупке не менее 50 экз. воинскими частями и учреждениями, расположенными вне Москвы, скидка 30%. Книгопродавцам обычная скидка.

НОВАЯ ЦЕНА
Руб. коп.

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ.

МОСКВА
1923 г.